

ЯНА ВІТ

ЧЕРНА
КРОВЬ
НОЯБРЯ

18+

Яна Витт

Черная кровь ноября

Серия «Тёмное фэнтези Young Adult»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69579190

Я. Витт. Черная кровь ноября: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2023

ISBN 978-5-17-147113-2

Аннотация

Много тысяч лет назад миром правили фейри – волшебный народ. Земля была пронизана магией, и в ней билось золотое сердце короля фейри Киндеирна. Но подданные ополчились на правителя и убили его жену, а самого Киндеирна запечатали колдовской силой так, чтобы он не выбрался из могилы никогда. Золотая кровь волшебного народа рассеялась по миру, смешалась с людской. Предательство ослабило чудесных существ, и спустя тысячелетия мир почти потерял магию. На смену ей пришли технологии и... новый король. Но до сих пор бьется золотое сердце магии, и оно призывает ту, в ком еще течет кровь жены Истинного Короля Эльфов. Зовет, дабы разбудить его и вернуть волшебство в мир.

Содержание

0. Ноябрь	5
1. Кристина	7
2. Ирн	11
3. Кристина	15
4. Ирн	20
5. Ирн	24
6. Кристина	31
7. Ирн	36
8. Кристина	41
9. Ирн	46
10. Ирн	51
11. Кристина	56
12. Кристина	61
13. Ирн	67
14. Кристина	72
15. Ирн	77
16. Кристина	81
17. Ирн	85
18. Ирн	90
19. Кристина	95
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Яна Витт

Черная кровь ноября

© Яна Витт, 2023

© nuu_aska, иллюстрация на обложке ООО «Издательство АСТ», 2023

*** * ***

0. Ноябрь

Если в город пришел ноябрь – всему конец. Яркое потускнеет, радостное облезет серыми хлопьями тоски, все, что нравилось, – вывернется наизнанку и превратится в свою злую сестру-близняшку.

Никогда нельзя допускать ноябрь в город. Он сожрет душу каждого, кто надел желтую или красную куртку, улыбнулся до двенадцати дня, выпил кофе с мятой, не отложил никаких удовольствий до следующего года, сумел выбраться из тьмы.

Общеизвестно, что в ноябре рождаются только убийцы и неудачники. Тускнеют небеса, гниют листья, серый дождь слизывает с небоскребов гламурный блеск, и во всем, что есть в мире, появляется оттенок серого.

Пепельные розы, грязно-белый, охра. Вы видели охру? Это же больной оранжевый. Что такое вообще – грязно-белый? Разве это цвет?

Вы были в городе, где ноябрь длится дольше месяца? Люди там боятся вечной зимы, чистоты снегов, прозрачной честности льда. Страшатся ясных правил и простых решений. Тьма наступает с востока и длится до апреля, когда из-под черной корки снега вылезают мертвецы с землистыми лицами.

Тут и захочешь смерти, но ноябрь пожрет волю, завернет

в полиэтилен и сверху в стекловату, как толстые трубы, лежащие в земле.

Если тебе повезет – в ноябре ты умрешь первым.

Когда все только начнется – собьет машина, подхватишь пневмонию, получишь нож в печень однажды вечером, возвращаясь с прогулки с собакой. Ты умрешь, проклиная злую судьбу, не подозревая, как она была щедра к тебе.

Ведь следующие погибнут куда хуже: ноябрь вывернет их наизнанку, заставит протухнуть кровь прямо в венах. Поползут по предплечьям костяные наросты, вытечет черной струйкой душа прямо под ноги ему – ноябрю.

У ноября злые зеленые глаза, бледная кожа, испачканные землей длинные тонкие пальцы, волосы цвета старого золота и кровоточащие раны, распахивающие хищные улыбки, когда он разводит руки в стороны, и ты видишь огромную дыру на месте его сердца.

Ноябрь пришел в город.

Всему конец.

Но последней умрет та, чья жизнь оказалась нужна сразу двум богам этого мира – старому и новому.

1. Кристина

Стоунхендж оказался не таким, как Кристина ожидала. Она думала – увидит подавляющие величием гигантские столбы, фонящие древней магией, как чернобыльские леса – радиацией. Она хотела дотронуться до них и ощутить все семь тысяч лет, спрессованные в неровности шероховатого камня, закрыть глаза и ощутить, как ее пронизывает волшебство древней земли.

Но в реальности Стоунхендж был не такой уж высокой постройкой, огороженной заборчиками от туристов. Ярко-зеленый даже в ноябре луг, ярко-синее небо – отличный фон для фотографий. И даже ветер удачно развеивает волосы для селфи. Вся группа Кристины пофоткалась у камней, в том месте, где разрешено подойти к мегалиту метров на пять, и потом – еще издалека, чтобы было видно стоящие кругом календарные глыбы на холме.

Немилосердный ноябрьский ветер выдувал из головы все мысли: температура в Уилтшире хоть и плюсовая, но даже зимние куртки, достойно выдерживающие суровые морозы в Москве, пасовали перед пронизывающим буйством. Парни из группы потоптались минут пять, но не выдержали и потянулись к автобусу.

Кристина натянула шапку поглубже, а сверху накинула капюшон. Видок получился не для селфи, но ей было жаль так

быстро уезжать. Вряд ли она снова когда-нибудь сюда попадет. Да и вообще в Англию.

Почти все, кто был удостоен «экскурсионно-поощрительной» поездки в честь победы в городской олимпиаде по английскому, могли запросто позволить себе такое путешествие. Но, конечно, вряд ли провели бы неделю в Англии, зависая в Национальной галерее или Британском музее. В Лондоне есть и более веселые места. И уж точно не поперлись бы четыре часа на автобусе, чтобы десять минут пофоткаться на ветреном холме.

– Крис, ты идешь? – Варя не носила шапку, потому что «некрасиво», и капюшона на ее куртке не было, поэтому она надела наушники, чтобы хоть как-то не продуло. Бессмысленное действие, но очень милое.

– Рядом – памятник неолита постарше Стоунхенджа. – Кристина рассматривала карту. – Я туда сгоняю и вернусь. Мы все равно на последнем автобусе до Лондона?

– Крис, зачем тебе холмики и рвы, ничего интересного вообще! – заныла Варя. – Давай кофе выпьем лучше. И там музей есть, можно прямо камень из Стоунхенджа руками потрогать! Тебе ж интересно!

– Интересно, – вздохнула Кристина. – И кофе хочу. Но камень – успею, а холмы...

– ...никуда не убегут, если за семь тысяч лет не убежали.

– Варь, ну иди одна...

– Блин, Васильева, ты такая зануда, ужас. В паб не пошла,

в клуб тоже отказалась...

– Вам ведь пиво не продали, какой смысл?

– Ты упоротая по древностям! Смысл в том, что в пабе бухал Диккенс!

– Диккенс, похоже, не обделил вниманием ни один паб Лондона.

– Я и говорю, зануда. Ладно. – Варя махнула рукой. – Я – на шаттл до музея, не хочу пешком.

Кристина помахала ей и направилась к дороге, за которой расстилались невероятно зеленые поля, а по ним бродили упитанные коровы. К тем самым курганам вела деревянная калитка с чугунной щеколдой. Выглядела она так, будто ее вчера сотворили в цехе реквизита для съемок «Хоббита» – со всеми положенными потертостями и выюнком, взбирающимся по толстым брусьям.

Щеколда глухо стукнула, упав на место, деревянная калитка скрипнула, но больше никаких звуков на поле слышно не было, только тихо-тихо шептал ветер, трогая высохшие травы на вершине кургана.

Кристина взобралась на курган, увидела впереди еще два похожих и поле с пасущимися коровами, темную рощу, окруженную высокой оградой, а за ней – дорогу к музею, по которой пылил автобус-шаттл, увозивший Варю и парней.

Налево дорога вводила к Стоунхенджу, куда стекались ручейки туристов.

Но все это было словно в немом кино – здесь, на холме,

царила непроницаемая тишина, и Кристина вдруг наконец ощутила древнюю магию, которую тщетно искала у старых камней.

Откуда-то из земли, из глубины, скрытой под сочной зеленой травой, к ней тянулось что-то древнее, но знакомое. Страшное, но родное. Невероятно могущественное и огромное, но звенящее острой нотой возвращения домой после долгих странствий.

Кристина опустилась на колени, прижала ладони к земле и закрыла глаза. И планета толкнулась ей в пальцы всей своей мощью.

Синее небо мгновенно заволокло черными тучами, и на Уилтшир стеной обрушился ливень.

Сердце

В глубокой и пыльной тьме золотое сердце вдруг дернулось, рассылая по незримым артериям и венам мира сверкающие искры, осветило тесное пространство и... забилося.

Медленно, невероятно медленно, один удар в минуту, но ровно и сильно, проталкивая через себя магию – кровь живого мира.

2. Ирн

Зашевелились поблекшие листья, расплзлась под струями дождя жирная коричневая грязь. Из ночной тьмы на землю выливались потоки воды – часами, днями. Влага пропитывала почву до самых глубин, до тех слоев, что не помнили света звезд.

И оттуда, из мешанины давно сгнивших трупов, истлевших трав, осколков горшков и расплзающихся на волокна погребальных одежд, на поверхность начало выбираться нечто древнее, очень мрачное и злое.

Сначала появилась бледная, испачканная грязью рука. Тонкие длинные пальцы, похожие на паука-умертвие, ощупали все вокруг: мокрые листья, липкую чавкающую землю, скользкую от дождя траву. Судорожно, нервно, словно не веря.

Неделя после Самайна¹. Поздновато для воскресших мертвецов. Все они давно восстали, опали, рассыпались, превратились в перегной, удобрили будущие кормовые луга. Кто бы ты ни был – ты опоздал.

Вслед за рукой появилась вторая. Обе уперлись в поддающуюся грязь, ухватились за толстые подземные корни и потащили за собой все остальное: тощее тело, изрезанное ра-

¹ Осенний праздник у кельтов, посвященный окончанию уборки урожая. (Здесь и далее прим. ред.)

нами, из которых до сих пор сочилась черная кровь. Светлые волосы прилипли к острым скулам, худое лицо уродовало злобная ухмылка.

Но зеленые глаза – цвета травы на кельтских равнинах – распахнулись в дождливой тьме и тотчас сузились, оглядывая круг сплетающихся ветвей орешника, труп белки под ногами, облачное небо над головой и обнаженное свое тело, где, прямо в груди, на месте сердца зиял провал.

Да, он опоздал. На десять тысяч лет, на жизнь, на несколько часов, коих его врагам хватило для того, чтобы убить Айну, – на несколько мгновений, которых не хватило ему, чтобы распознать ловушку. Вот и теперь он не успел – будь сегодня Самайн, знал бы, где взять самый страшный меч, объявить битву и уничтожить всех, кто погубил его.

Но они впустили ноябрь. Они впустили ноябрь в город, и, значит, сражение неизбежно.

Глаза Ирна были полуслепы после тысячелетий под землей. Он стирал с лица дождь, но тот снова застилал взгляд. Распахнутые раны саднили и пачкали черной кровью бледную кожу. А там, где зияла дыра, и вовсе выжигало холодом. Но он пробудился, вернулся, а им придется придумать для него титул пострашнее, чем Кровавый Король. Если им не понравилось, что он устроил после смерти своей золотой Айны, как же им не понравится то, во что он превратит мир сейчас, когда собирается отомстить!

Киндеирн, Кровавый Король, вестник ноября, привычно

протянул руку не глядя – призывая регалии. Нетерпеливо дернул пальцами. Неподалеку он чувствовал ольху, свое дерево, и она должна была отдать корону, меч и плащ. Но на повторный жест – уже с раздражением – она снова не откликнулась, даже не шевельнула листьями.

Ирн повернул голову, с изумлением взирая на мертвое дерево. Совсем неживое. В листьях тек древесный сок, корни питались тем, что добывали из плотной богатой почвы, ветви шумели на ветру, но в ольхе не ощущалось ни капли магии, ни капли жизни. Пустота выжрала ее изнутри.

Он обратился к могучему дубу – триста или четыреста лет, его душа наверняка слишком гордая для служения забытому королю, но Ирну будет приятно ее сломать, ведь его взбесила пустышка-ольха. Но и дуб не шевельнулся, не откликнулся.

Вообще.

Ни подчинения, ни битвы, ни капли золотого сока в древесных жилах.

Мертв.

И они все мертвы.

Каждое дерево – с облетевшими листьями, с обвисшими под тяжестью капель ноябрьского дождя ветвями, с мягкими зимними иглами.

Каждый куст – усыпанный красными, белыми или черными ягодами.

Каждый цветок.

Везде – пустота.

Ни одной поганой дриады, ни одной души воина, ни одного оплаканного ребенка.

Можно сломать любую ветку, срубить любой ствол – никто не шелохнется, не заплачет.

Никто не отдаст ему плащ, корону и меч.

3. Кристина

– Значит, так, обратно летим двумя группами. Я называю фамилию, вы отходите налево или направо!

Ночью в Гэтвике было довольно шумно, разлетались по далеким городам последние вечерние самолеты. Компания олимпиадников старательно вжималась в Людмилу Сергеевну, второго завуча, которой и повезло – во всех смыслах, прямом и обратном, – сопровождать их в Англию.

– Васильева направо! Домбровская налево!

– Эй, как же так! – Варя ухватила Кристину под руку и замотала лохматой рыжей головой. – Я Крестю никуда не отпущу!

– Домбровская! Те, кому транспортные расходы возместили родители, летят прямым рейсом, а те, кому фонд, – с пересадкой. Все справедливо. Отлипни от Васильевой и иди к своей группе. С вами будет Максим Геннадьевич.

Максим Геннадьевич... Сын директрисы их школы, формально – учитель обществознания, фактически – просто оболтус двадцати пяти лет, которому после халявного пединститута мама приберегла теплое местечко под боком. Понятное дело, что и в Англию сопровождать подростков полетел именно он, и на прямой рейс преподау достался билет не только по блату, но и потому, что на пересадке этот великовозрастный придурок растерял бы всех подопечных.

Но Людмиле Сергеевне было не легче.

– Моя группа отходит в сторонку и ждет, когда я вернусь с посадочными. Остальным можете помахать. Нет, в дюти-фри нельзя. Шоколадки на пересадке купите.

– А долгая пересадка-то? – Вик, который попал в благотворительную группу исключительно по той причине, что богемные родители попросту забыли о презренных деньгах, кажется, особо не расстраивался. Он умел и любил находить приключения в любых условиях.

– Двенадцать часов. – Завуч утомленно сжала виски кончиками пальцев.

– Фигасе, – протянул он. – А чего не пару суток?

– Потому что иначе было бы сорок минут. А мне в тридцать пять лет инфаркт не нужен – носиться за вами по всему аэропорту, чтобы в самолет загнать. Ничего, Бойко, прочитаешь литературу по программе.

Неведомая девушка на стойке регистрации сделала Кристине роскошный подарок – три с половиной часа вдали от группы. И пусть кресло в конце салона не откидывалось, а рядом постоянно топтались желающие занять туалет, она была благодарна, что может попрощаться с прекрасной Англией и провести время в «одиночестве».

То был последний праздник перед долгими месяцами подготовки к ЕГЭ, поступлением, учебой. Кристине придется искать, где подработать, чтобы не сидеть у матери на шее. И шанс полететь за границу, хотя бы в дешевую турецкую

трешку, появится только после окончания колледжа, когда она устроится на нормальную работу.

А в другом конце салона бесились остальные – Вик требовал от стюардесс то шампанского, то раскраску для детей, раз алкоголь нельзя. Людмила Сергеевна зычным зовом пыталась его усмирить. Остальные подыгрывали то одной, то другой стороне. Пассажиры мечтали в следующий раз оказаться на рейсе с десятью младенцами, а не с горсткой одиннадцатиклассников. Утомились все.

В итоге пассажиры и стюардессы с мигренью по прибытии отправились пить валерьянку и старательно забывать перелет, а вот пять человек во главе с вымотанным завучем устроились в транзитной зоне маленьким бесноватым лагерем, готовясь скучать бесконечные двенадцать часов.

Людмила Сергеевна прислонилась к стеночке, укрылась курткой и засопела, наивно предположив, что теперь подопечные уже никуда не денутся. Так бы и получилось, если бы в стадо бедных овечек, облагодетельствованных благотворительным фондом, не затесался оторва Вик.

– Васильева! – Свистящий шепот выдернул Кристину из полусна, в котором она босиком ступала по мокрой траве у Стоунхенджа и несла каменную плешку в замерзших ладонях.

Зал стамбульского аэропорта даже поздней осенью выступивался кондиционерами, дремать было зябко и в зимней куртке. Кристина приоткрыла глаза – у ее ног на корточках

сидел Вик.

– Чего тебе?

Вик ей никогда не нравился.

Он презирал всех – и нищих, как она, и мажоров, считая нормальными людьми только «свой круг» и друзей родителей-художников.

Он ввязывался в любой кипиш и неизменно выходил победителем. Кристина же была полной противоположностью – если десять человек перейдут улицу на красный, оштрафуют лишь ее одну.

Подруга Варька умирала по нему весь десятый класс, а он знал и не уставал прикалываться по этому поводу.

– Мы собираемся слинять в город. Тут меньше часа на метро до центра. Гранд-базар, Босфор, Ленка хочет посмотреть на дворец султана. Ты с нами?

– Не-а. – Кристина поглубже нахлобучила капюшон куртки и спрятала заledenевшие пальцы в рукава.

– Васильева! Ну ты чего! Если мы все сбежим, никому не влетит.

– Вик, уйди, – не открывая глаз, ответила она. – Я в твоих делах не участвую с седьмого класса, когда было «если сбежим, прогул никому не поставят».

– А ты злопамятная! – Вик щелчком откинул ее капюшон. – А если... – Он притворился, что задумался, но было очевидно – план составлен заранее, а на простое согласие парень и не рассчитывал. – Если я тебе куплю билет в Айя-Со-

фию? Вот сейчас, онлайн. Надо четыре часа в очереди стоять, а ты сразу пройдешь. А?

– Да зачем я вам! – взмолилась Кристина, хотя в собор Святой Софии она очень – прямо-таки страшно – хотела. Она же «упоротая по древностям», как говорит Варя. И дополнительный маленький подарок в виде целого дня в ска-
зочном Стамбуле... увы, она не могла отказаться.

– Зачем ты нам вообще сдалась, гуляй где хочешь. Но сбегать мы должны всем составом.

Кристина долго смотрела на Вика, и у того по морде расползалась довольная улыбка – рыбка попалась на крючок.

А рыбка думала, что еще пожалеет. Точно пожалеет.

4. Ирн

Зеленые глаза сощурились – Ирн узнал это место.

То самое, где он попал в ловушку.

Здесь оставалась магия Айны, которая спутывала его золотом и счастьем, и он, десять тысяч лет назад, промедлил на несколько мгновений, еще раз захотев ощутить прикосновение ее пальцев.

Золотые нити опутали его, вонзились под кожу, превратились в ядовитых змей, яд растекся в крови, отравил ее и сделал черной, а мечи из холодного железа полоснули по мышцам, разрывая их в клочья.

Эльфы визжали от боли, сжимая рукояти клинков, падали с обгоревшими руками, но оружие поднимали следующие за ними – чтобы воткнуть в тело Кровавого Короля.

Его месть была сладкой, как кровь фейри, золотой, как кровь фейри, алой, как кровь фейри.

Их месть была горькой и темной, жуткой и болезненной. Она губила их самих, но фейри должны были убить его, чтобы выжить, ибо он поклялся – не останется на свете ни единого из дивного народа.

И сейчас их здесь нет. Ни одного – даже деревья растут без души. Но Ирну нужен его плащ, его меч и его корона. И он снова щурится, выглядывая ту, что поможет ему.

– Сними это.

Лиза с недоумением смотрит на форменную куртку. Хорошая плотная одежда, лыжные штаны с карманами: там нож, газовый баллончик, тазер.

Лиза знает крав-мага² и умеет громко кричать. Она ни секунды не колеблется, когда перед ней из темноты возникает мужской силуэт.

Лиза не верит в хорошие финалы. Она может ударить мужчину в пах так, чтобы он надолго забыл о том, что он мужчина. Она работает здесь, в Стоунхендже, и встречала всевозможных туристов. Очень разных. Некоторые потом долго ее вспоминали.

Но Лиза стаскивает куртку, расшнуровывает тяжелые ботинки, снимает штаны. Остается в футболке и кружевных трусиках.

Нельзя верить в любовь, когда тебя с тринадцати лет зовут на свидания, только чтобы посмеяться – эта страшила поверила!

Но можно читать любовные романы, запершись в ванной, и никто не увидит – что, что, что. И не услышит частое дыхание и закушенный стон.

– Иди ко мне.

Высокий и бледный, а темная тень – гораздо больше и страшнее него.

Тень тянет руки, но Лиза все равно идет.

Когда веришь не в любовь, а в дрожащие пальцы после

² Израильская система рукопашного боя.

оргазма, с тобой всегда случается это. Обнаженный мужчина, выше всех, кого ты знаешь, с отросшими золотыми волосами, с тонкими запястьями, с длинным...

Она упирается руками в ствол березы, выгибает спину, вскрикивает, когда в нее бесконечно долго и медленно входит... Он.

А потом пронзает ее единым движением, словно хочет пришпилить к этой березе будто мечом. И дальше, дальше, дальше, вдальбливается в нее резко и быстро, нанизывая на себя тугое коренастое тело.

Лиза – неудачница, она ненавидит мужчин и испытывает отвращение к женщинам. Ее никогда не зовут в паб после работы, у нее дома нет даже кошки, она смотрит вечерние шоу с попкорном из микроволновки и мастурбирует солеными пальцами, но сейчас...

Лизу любит древний король фейри, и вся его зеленая, золотая, огненная магия вливается в ее лоно, проходит насквозь, захватывая душу и вталкивая с последним ударом члена – из женщины в дерево.

Безжизненное тело падает в осеннюю траву у корней живой дриады-березы. Которая так нужна королю!

Киндеирн нетерпеливо дергает пальцами – остатки золотых листьев спешно слетают с ветвей, сплетаясь в острозубчатый венок, охряной плащ оборачивается вокруг тела, золотой меч возникает в дрожащем воздухе и падает в ладонь.

Единственная дриада на весь Уилтшир остается горевать над телом голой мертвой женщины, листья укрывают ее невидящие глаза – спи, спи до весны. Пусть тебя найдут в апреле, когда закончится ноябрь.

Если будет кому находить.

Потому что прочь – от душной могилы, от свежерожденной дриады и от того места, где все началось – идет древний фейри в короне из золотых листьев, и он не оставит никого в живых.

Он еще не знает, что мстить некому. Дыра в груди пылает холодом, а черная кровь тяжелыми каплями падает на дорогу.

5. Ирн

Он представлял себе триумф. Страх, горящие леса, реки крови – багровой и золотой. Шагающее Возмездие с сияющим мечом и в короне из ноябрьской тьмы. Он воображал, как белокожие эльфийки будут молить о пощаде, облизывать его нежными ротиками, изгибать томные спины. Как побегут врассыпную мелкие фейри. Как упадут на колени те, кто не может предложить ни плоти своей, ни служения.

Как все узнают – вернулся Кровавый Король и луна склонилась перед ним, выливая молочные кувшины и наполняя их алым.

Никого.

Под мостом гулко стучит и воеет, пахнет мочой и бензином. Не ворочается во сне толстокожий тролль, не останавливает путников.

В бледной реке растворены тысячи трупов, она отражает свет белесыми глазами. Пустая, мертвая. Но не вьется в струях грива келпи³, не тянутся к тем, кто склонился над водами, призрачные руки речных дев.

Птицы перекрещивают небеса справа налево и с юга на восток, но ни в одной нет разума, никто не роняет перья-стрелы на воинов.

³ Водяной дух в шотландской мифологии; часто предстает в образе лошади.

Тайные входы в холмы пусты и открыты. Они ведут к неглубоким пещерам, провонявшим мочой и кислым пивом. Там можно встретить слабых детей, белокожих и не владеющих магией человеческих тварей, с которыми возилась Айна. В их глазах нет даже отсветов эльфийской крови.

Никто.

Не живет в воде, в деревьях, под холмами.

Где они все?

С плаща опадают листья. Кровавый Король нервничает. Королю нужно его сердце. Дыра в груди болит.

– Слушайте, мужики! – Меч – за спину, охряной плащ, гниющие листья на голове.

Ему не удивились. Чему дивиться, если рядом сидит чувак в семи футболках и драном кашемировом пальто с пуговицами из розового перламутра. А подле него другой – в ковбойских сапогах со шпорами и вязаном колпаке до колен.

Здесь под мостом и не такие бывают лихие ребята. Однажды ночевал какой-то тип в блестящем костюме, говорил, что Элвис. Никто ему не поверил, все знают, что Элвис – никуда без розового лимузина. Тут дует теплым воздухом от проносящихся сверху поездов метро, разит пластмассой и дегтем. Постели из тряпок, которые никак не намотать на себя, похожи на орлиные гнезда. У каждого – свое.

– Дайте дернуть, а? – Узкая рука тянется к губам, лицо кривится ухмылкой.

Им бы заглянуть в пронзительно-зеленые глаза, но бедо-

лагам уже все равно.

– На. – Половина хабарика передается из грязных пальцев в митенках в тонкие эльфийские.

Пока Кровавый Король затягивается подмокшим от слюны табаком, дружище в вязаном колпаке оглядывает его, цокает, замечая босые ступни.

– Слышь, ты б хоть тряпье намотал. Недавно на улице? – Голос охрип от бесконечного ветра с реки, от паршивой выпивки и дешевых сигарет.

– Весь ноябрь. – Щурятся раскосые зеленые глаза. Ирн без спроса берет пластиковый стаканчик с прозрачным, чистым, огненным средством от зимы.

А они хорошо придумали – дрянной огонь проливается сквозь выжженную глотку, заставляет черную кровь бежать быстрее.

– Вижу, – кхекает тот. Ничего не говорит о стакане. – У больницы в баках поройся, там белье выкидывают, нарежешь да обмотаешь. Ботинки сложнее, но ты поищи в ящиках у церквей, если велико, тоже че намотаешь – хорошо будет.

Двое других молчат, нахохлившись, упрятав сизые носы в шарфы и воротники. Им без разницы. А этот еще думает о ком-то, передает мудрость уличной жизни.

Ирн опять зло кривится и встает. Ему все ясно про здешний мир железа и камней. Он прошел босиком половину города, пятная кровью железные заклепки мостов. Как они выжили – причудливые человечки без капли магии? Почему

они, а не фейри?

— Ты хороший человек? — спрашивает у смертного Кровавый Король.

— Я-то? — сипит тот. — Да разве я человек...

— Я нагажу тебя! — Возглас звенит высшей властью фейри, как в былые времена, разносится медным звоном над рекой, летит в небеса...

Все заглушает шум проносящегося поезда.

Этот мир убивает сияние магии, причиняя боль и вытягивая силу.

Но золотой меч отсекает голову чисто, всасывая в себя кровь.

Тело тихонько приваливается к опоре моста — словно хозяин решил немного подремать. Никто и не заметил. Даже того, как мало вылилось крови на «орлиное гнездо». Как гулко глотнул меч.

Кожа Ирна наливается цветом, тоже становится золотой.

Он улыбается — ослепительно.

Он больше не похож на сумасшедшего, который вырядился в плащ с помойки самодеятельного театра и сплел венок из ноябрьских листьев. Волосы блистают шелковой чистотой, руки покрыты легким загаром, плечи распрямились, и чудовищные раны, пачкавшие плащ, затягиваются, закрывают жадные рты.

На месте холодной дыры без сердца нарастают мышцы, оставляя лишь пронзительно-алый шрам в виде звезды.

Теперь Ирн выглядит как слегка перепившая знаменитость. Выскочил из отеля, завернувшись в первое, что попало. Плохой приход, дурное похмелье. Сейчас вернусь, догонюсь дозой и буду в порядке.

Ирну в этом мире еще жить. Ирну им еще править.

Ирн не верит в то, что видят его раскосые зеленые глаза. Нет больше волшебного народца. Земля священных рощ и колдовских лесов вымерла и опустела. Единственная дриада на все острова сотворена им самим из человеческой души – скверный материал, но другого он просто не нашел.

А самое страшное – нигде нет магии. Он почти не в силах ничего сделать с миром. Вся магия фейри нынче – он сам.

Тяжелые опоры моста, сверкающие темным стеклом небоскребы, ржавые машины, даже поверхность земли, покрытая твердой коркой, – все полыхает другой, чуждой ему жуткой и незнакомой силой. Мало Ирну было холодного железа, оставляющего раны, которые заживают часами вместо мгновений.

Теперь почти все, что его окружает, – враждебно природной магии фейри.

Но где-то медленно бьется магическое сердце мира.

Он почувствовал!

С отвращением провел ладонью по железным перилам моста и резко обернулся, ощутив, как где-то там, вдалеке, несколько раз упрямо стукнулось его сердце.

Поманило, натянув золотые жилы, потащило к себе.

Он едва смог остановиться, так звала пустота в груди.

Но он точно знал: когда пробудился, не смог почувствовать его биения. И потом, когда искал хоть малейший след тонкой лапки фейри на британских лугах, он не чуял золотого сияния крови мира. Значит, кто-то принес его туда. И вряд ли друг.

У Киндеирна нет друзей.

Он зло усмехнулся, когда тяга вдруг погасла, как потушенная свеча. Так и думал.

Сердце

Глухая пыльная тьма вдруг разверзлась, и на него впервые за долгое время упал яркий солнечный свет.

Сердце стукнулось – в прозрачном воздухе близ волшебных лесов даже биться было легче.

Оно стукнулось еще раз.

И еще.

Золотые искры эльфийской магии понеслись по венам мира, наполняя его силой, которую он не чувствовал слишком давно.

Натянулись нити, встряхнулось мироздание.

Он был близко.

Очень близко.

Сердце позвало его, натянув до предела нити, отчаянно стремясь вернуться туда, откуда было безжалостно выреза-

но.

Но...

Сердце стукнуло еще раз и замерло, когда пыльная тьма снова укрыла его, отрезая от прозрачной синевы небес.

6. Кристина

Золотистое сияние окутало Кристину, согрело, подарило ощущение любви и принятия. Ей хотелось закрыть глаза, раскинуть руки и отдаться силе, которая связывала ее душу с тем, что есть в мире: с небом, землей, деревьями и травами, всеми на свете людьми. Она видела золотые струны, по которым текла невообразимая любовь. Струилась куда-то... где ощущалось присутствие чего-то еще более могущественного и любящего.

Очень хотелось лететь, бежать, отдаться силе золотого сияния, позволить унести в единственное место, где ей будет действительно хорошо, где она обретет настоящий дом. Кристина не позволила себе этого только по одной причине – мама. Рано умирать – как и отправляться в рай, сначала надо отдать дочерний долг.

И от невозможности прямо сейчас оказаться там, в руках Бога, в райском саду, на глазах у нее выступили слезы. Она стиснула пальцами податливую восковую свечу и упала на колени прямо на каменный пол собора Святой Софии. Резкая боль прострелила кости, сияние, пульсировавшее в голове, ослабело, отступило, позволило жить. А потом и вовсе ушло. Кристина так и осталась на полу. Не было сил встать.

Тот Бог, который до сих пор жил в душе, – прятался за темными иконами в бабушкином доме, обещал покарать за

ложь и непослушание устами мамы, – был, скорее, чем-то вроде свода законов и правил. Она следовала им, бездумно подчиняясь, знала молитвы, отстаивала службы два раза в год – на Пасху и на Рождество, иногда забегала в церковь возле дома, перед контрольными.

Кристина понимала, что все в мире создано некой высшей силой, но пока не чувствовала в себе настоящей веры.

Сегодня все изменилось, едва она вошла под высокие своды. В одно мгновение ее окутало тягучее сладкое золото и позвало за собой.

Айя-София, древний храм, в котором долгие-долгие годы звучали совсем не христианские молитвы, увешанный поверх хрупких фресок символами чужой веры, оказался тем местом, где к Кристине впервые за все ее семнадцать лет снизошел Бог.

Кристина стирала ладонью слезы, которые лились из глаз, и озиралась по сторонам, но никто на нее не смотрел. Здесь видели всякое – для мусульман это сооружение тоже было знаковым, и после Голубой мечети некоторые приходили молиться и сюда. Власти Турции не захотели отдавать полуторатысячелетний собор ни одной из претендующих религий, и в недавнем прошлом сделали его музеем⁴. Но накрывало здесь очень многих, и девушка, стоящая на коленях, никого не удивляла.

А она потеряла счет времени.

⁴ Собору вернули статус мечети в 2020 году.

Тяжелые люстры с яркими лампами, дрожащее марево от свечей настоящих, тонкий запах воска и ладана от ладоней, тяжелая вязкость, которая растекается по телу и никуда не исчезает.

Лики на иконах – неужели в шестом веке умели так рисовать? Как живые, словно волосы святых перебирает ветер, а глаза смотрят пронзительно и строго.

Свечка в руках превратилась в мягкий комоч воска. Так и не поставила никуда.

Кристина все-таки поднялась, хоть и не с первой попытки. Ноги затекли до холодной тяжести мрамора и ощущались каменными. Если не присесть, точно упадет, а кровь побежит по венам с пронзающей тысячью игл болью.

Но она тотчас забыла разумную мысль, выронила где-то по пути, как и катышек воска. Хорошо, что вещи были в рюкзачке, иначе и его бы потеряла.

Вышла, спотыкаясь о каждую ступеньку, и поплелась куда глаза глядят, не обращая внимания на пронизывающий ветер, назойливых котов и торговцев – и даже на аппетитные запахи от маленьких тележек с кёфте, симитами⁵ и орехами в меду.

Бродила по улицам, пока не начало темнеть, а мысли, витавшие где-то высоко над головой – не спустились обратно и не встряхнули паникой – самолет!

⁵ Популярная уличная еда: кёфте – мясные или вегетарианские котлеты со специями; симит – бублик, посыпанный кунжутом.

Сколько времени?!

Когда вылет?!

Кристина крутанулась вокруг себя в надежде понять, где она, увидеть рельсы трамвая или хотя бы сувенирную лавку, где говорят по-английски. Но она блуждала в далеких кварталах, где вдоль улиц тянулись лишь беленые стены, над которыми виднелись апельсиновые и лимонные деревья, а во дворах лаяли собаки. Ни одного прохожего.

Она вытащила телефон – простой, кнопочный, и роуминг не подключен, даже не позвонишь никому. Семь часов. А когда они прилетели? Почему она не спросила ни у кого про рейс?

Неизвестно сколько километров Кристина прошагала в забытии, но мышцы намекали – слишком много, бег они уже не осилят.

Сердце трепыхалось в груди как бешеное – что делать, если она опоздает на самолет? И почему все повороты улиц заводят ее в тупики?

Когда в мире немых оград и брехливых собак наконец появился новый звук – рокот мотора, Кристина бросилась буквально под колеса машины и, глотая слова и буквы, путая к чертям все времена, попыталась объясниться с недоумевающим турком за рулем. Что-то такое он в итоге понял, поскольку буркнул по-русски: «Садись!» – и кивнул на место рядом.

Надо было в этот момент подумать о безопасности, о том,

что неизвестно, куда он ее завезет, но в плотном коконе паники было не до новых страхов.

И пока они ехали – все-таки до аэропорта! – Кристина только и делала, что ловила за хвосты носящиеся по кругу мысли и умирjala их.

Так и знала. Так и знала. Так и знала.

Турок высадил ее у международного терминала, отказался от попыток дать ему фунты, рубли и телефон – больше у Кристины ничего не было – и уехал, просто сделав доброе дело.

А она проскочила, не задержавшись, с колотящимся сердцем и опрокинутым лицом все кордоны, рванула к знакомому залу ожидания и лишь на пороге сумела остановиться, разом ослабнув от облегчения.

У гейта, где кучковалась очередь, опоздавшую ждала Людмила Сергеевна, и ее вид не предвещал ничего хорошего.

7. Ирн

– Привет, моя любовь...

Энн очень понравился голос, который раздался у нее за спиной, но у говорящего был слишком странный акцент. Наверняка голос принадлежал одному из восточных мигрантов: они с детства умеют петь сладкие песни, а потом вырастают, запихивают жен в мешок с прорезями для глаз и побивают камнями за попытку вылезти.

Поэтому поворачивалась она с раздражением.

– Мы еще закрыты! – Энн пришла на работу в шоколадную лавочку на полчаса пораньше, чтобы без помех выпить чая и стряхнуть вечную усталость от недосыпа. И снова улыбаться посетителям. Хэллоуин закончился, начинается рождественский ад, надо быть в пять раз веселее обычного.

Но едва ее взгляд схлестнулся со взором пронзительных зеленых глаз, все мысли схлынули, будто кто-то открыл шлюзы плотины. Мигом обмелели и высохли слова на языке, бесследно растворилось раздражение.

Энн подалась вперед, сделала несколько шагов к окликнувшему ее посетителю. Он выглядел... волшебно. Как городской сумасшедший, но совершенно колдовской – в венке из листьев и золотом плаще.

– Ты ведь откроешься мне, малышка Энни? – Длинные пальцы скользнули по лицу девушки.

Энн с трудом подавила совершенно неуместное желание обнять их губами и пососать. Ей стоило оттолкнуть его и приказать выйти. И даже вызвать полицию... возможно. Потом. После того, как он перестанет пропускать ее волосы между пальцами и восхищенно смотреть на ее лицо...

– Что? – Он, кажется, что-то спросил? Она забыла. Глаза цвета сочной травы... наверное, линзы. Он, возможно, из тех актеров, что ставят сценки здесь, на площади в праздники...

– Я говорю, отсоси мне, шлюшка Энни, и я покажу тебе такие волшебные дворцы, каких ты никогда не видела.

Что?!

Энн встряхнулась.

Но пальцы, которые только что ощущались невероятно нежными, сжались, грубо сгребая ее волосы и опуская на колени. А другая рука, откинув плащ, под которым не обнаружилось никакой одежды, раздвинула губы Энн. Она попыталась встать, закричать, но ее рот уже был занят.

– Ты хороший материал для гордой эльфийки, шлюшка Энни. – Голос по-прежнему ласкал слух, даже несмотря на то, что с ней сейчас делали. – Если у вас все такие, у меня будет удачный день.

Энн почти задыхалась – девушке еще никогда не приходилось видеть настолько длинных приборов, хотя эпитет ей подобрали довольно справедливо.

Но когда она в очередной раз закашлялась, ее рот внезапно освободили, рывком за волосы подняли на ноги, а зеле-

ноглазый незнакомец припечатал ее губы жестоким укусом.

И оттолкнул.

Энн отлетела к стеллажам с шоколадными фигурками и сползла на пол.

Рядом с ее лицом улыбался эльф Санты в зеленом марципановом колпачке. Кровь из прокушенной губы капала на блузку, и Энн подставила ладонь. От изнасилования она очушается, а с шелка пятна уже не смыть.

Ирн с насмешкой наблюдал, как расширяются глаза девочки, когда алая кровь на ее пальцах превращается в золотистую пыльцу и разлетается облаком по лавке от изумленного выдоха. Оседают на сладких фигурках, на огромных шоколадных брусках, завернутых в грубую бумагу, облепляет витрину изнутри, заставляя даже бледный предзимний свет солнца превратиться в июльский.

От неожиданности Энн опускает руку, кровь течет струйкой по ее подбородку, по шее, ключице, сбегает в ложбинку между грудей и оборачивается золотом.

Энн пытается выгребсти ее, но пыльца только въедается в кожу, расползается по телу, которое начинает слегка зудеть.

– Раздевайся, Энни, – мурлычет насмешливый голос. – Будет много интересного. А я пока навещу твоих соседок.

Колокольчик над дверью звякает, но Энн уже не до того – она пытается смахнуть пыльцу, но та, как намагниченная, липнет к ней, ползет ниже, забираясь под одежду, и кожа зудит все сильнее.

Она и вправду начинает расстегивать блузку, совершенно наплевав на витрину от пола до потолка – ну и заметят, черт с ними! Когда он совал ей в рот член, никто не почесался!

Раздеться – это ошибка, понимает Энн, когда золотая пыльца растекается по открытой коже почти мгновенно. Но зудит еще сильнее, и Энн стягивает бюстгальтер, расстегивает юбку, чтобы почесать живот, а потом еще ниже...

И все кончается тем, что она стоит абсолютно обнаженная и покрытая золотом, как девушка Бонда в «Голдфингере» – среди шоколада, тоже покрытого сияющей пылью.

И вроде бы девушка Бонда от этого умерла!

Энн не успевает испугаться и подумать, как такое будет ощущаться – задохнуться под золотой краской, – ведь корка из пыльцы вдруг стягивает ее кожу в одних местах, пересекает в других, пережимает вены и выворачивает руки так, что трещат кости. Хочется кричать, но и горло сдавливается, сжимаясь все сильнее, и Энн понимает, что, похоже, сейчас умрет.

Ирн возвращается через полчаса – столько времени он потратил, чтобы найти еще шестерых.

Он проводит пальцами по резко очерченным скулам, по острым ключицам, по хрупким косточкам на бедрах очень-очень тонкой – невозможно, невероятно, недостижимо для человека – фигурки.

Энн поднимает к нему личико и улыбается ласке: раздвигает губы и демонстрирует треугольные мелкие зубки. Кожа

у нее золотая, а за плечами – прозрачные стрекозиные крылышки.

– Ты моя самая красивая, – нежно говорит Ирн, любуясь эльфийкой. – Пойдем танцевать.

И колокольчик на двери звякает еще раз.

На полу лавки остается лежать гора отвратительно воняющих внутренностей: желудок, почки, печень и много-много метров кишок.

8. Кристина

– Неблагодарная мразь!

В чем-то Кристина с директрисой согласна.

– Отбившаяся от рук хулиганка!

А в этом нет.

– Эгоистка, нахалка, свинья! У Людмилы Сергеевны из-за тебя был гипертонический криз, вчера скорую вызывали!

Кристина чувствует себя виноватой.

– Школа и фонд могли бы рассчитывать хотя бы на лояльность, как ты думаешь? После всех наших стараний! Мы тебя выучили, воспитали – но это мы обязаны делать по закону, а мы просто из сил выбивались! Дали тебе шанс, взяли в поездку!

Формально Кристина получила ее в награду за победу в городской олимпиаде. Но не от города, а от фонда для одаренных школьников, поэтому в принципе здесь тоже есть доля правды.

– Мы надеялись, ты научишься чему-то, испытаешь благодарность и принесешь пользу школе! Но ты черт знает чем занималась! Сбежала от группы, трахалась небось с местными турками!

Кристина молчала, а Нинель Владимировна разогревалась, накручивала себя и теперь вышла на боевые децибелы. Кристина планировала и дальше держать рот на замке, но

вот последнее было уже чересчур!

Она взметнула обиженно-яростный взгляд на устроившуюся за столом директрису. Кристина полчаса стояла перед ней, ноги отваливались, голова кружилась, но она не жаловалась. Она знала, на что шла. И догадывалась, что ей попадет. Но теперь...

Директриса поняла, что переступила грань, и прикрутила сияние своего нимба.

– В общем, Васильева... Конечно, ни на какие олимпиады тебя никто больше не возьмет.

Неправда. Если не Кристина, то кто выиграет? Вик? Или мальчишки-мажоры, знающие язык, разумеется, великолепно, но в основном версию, которой их научили англоязычные друзья в летних лагерях. А кто будет отвечать на зубодробительные вопросы по пассивному залогу? Варя? На Варю где сядешь, там и слезешь.

– И о поездках не может быть и речи, ты теперь в черном списке.

Тоже бесполезно. Какие поездки, если сейчас надо готовиться к ЕГЭ? Кристина вздохнула. Неприятно. Справедливо. Но как-то без последствий.

– Ну и в характеристике для вуза это будет подробно отражено. Твой моральный облик, поведение и то, какие у тебя отношения с преподавательским составом. Не думай, Васильева, что легко отделалась.

Кристина и не думает. На самом деле ей характеристика

не нужна. В колледж любого возьмут. Если бы в прошлом году решили, что станут тянуть ее на золотую медаль – тогда, естественно, все бы так легко не прошло. Но сейчас... Ей только очень стыдно.

– Поможешь подготовить ребятам отчет о поездке, отдашь фотографии, но на сцену не лезь, ты пятнадцать минут славы в стамбульском аэропорту уже получила. – Нинель Владимировна отпила из стакана, повозила мышкой по столу, во что-то вгляделась на мониторе.

Кристина продолжала ждать. Пауза еще не означала, что наступил конец экзекуции, а она хорошо помнила, что бывает, если попытаться уйти пораньше.

Кристина аккуратно переступила с ноги на ногу. Ботинки промокли, пока она неслась по ноябрьской грязи с утра в школу, и в жарко натопленном директорском кабинете неприятно высыхали и сжимались. Где-то в рюкзаке ждали чистые теплые носки и сменка, но ей не дали ни переодеться, ни даже повесить пуховик, сразу под конвоем отправили к директрисе. Кристина предпочла бы оказаться даже на уроке алгебры, который был в самом разгаре где-то там, наверху.

– Итак, Кристина... – Нинель Владимировна вздохнула и потерла виски кончиками пальцев. Понятно, откуда у Людмилы этот жест! Но у Нинель он смотрелся органичнее – как у аристократки. – Хотела бы я сказать, что и мы были молодыми и совершали ошибки... Но ты должна понять: у тебя подобного права нет... – Голос директрисы стал задушев-

ным, будто она действительно давала добрый совет, а не готовилась унижить еще сильнее прежнего. – Тебе надо приложить все усилия, чтобы добиться хоть чего-нибудь. Таланта мало, нужны условия для его развития. А у тебя и талант... без прикрас говоря, небольшой. И если хочешь подняться выше матери, нужно забыть о гордости и налаживать хорошие отношения с теми, от кого зависят жизненные шансы. Вот тебе мое, считай, родительское напутствие.

В воздухе повисло логичное: «Уж если родная мать тебя жизни не научила».

Мама научила Кристину засовывать свое мнение куда подальше, когда от него нет никакой пользы, кроме вреда, поэтому провинившаяся кивнула и уставилась в пол.

– Что ж. Ступай в библиотеку, я пришлю остальных, подготовите отчет для завтрашнего выступления перед фондом.

На выходе из кабинета ждал Вик. Прогуливал, конечно.

– Окунула в дерьмище, попеняла баблом и отправила пахать за наших золотых ребят? – поинтересовался он, пристраиваясь к быстрому шагу Кристины, которая торопилась, собираясь переодеть ботинки.

– Я с тобой не разговариваю. А в состав золотых ребят и тыходишь.

– Крис, забей. Сама виновата. Могла бы раньше вернуться. – Вик сел на скамейку, на которой уже устроилась Кристина, и толкнул ее в плечо.

– Можешь со мной вообще никогда больше не общать-

ся? – взмолилась Кристина, отодвигаясь.

– Ага, если скажешь Варьке, что ты мне очень благодарна и я хороший парень.

– Чего? – Кристина оторопела. – Ты опять, что ли? Вик, она только забыла тебя...

– А я передумал, – ухмыльнулся он, перекусывая зубочистку и сплевывая на пол.

9. Ирн

Семь золотых эльфиек кружились под призрачную музыку в просторном танцевальном зале под холмом. Сумрачные тени ложились на трепещущие крылышки непосильным грузом, тяжелый воздух пустых столетий сопротивлялся, словно водяная толща, и эльфийки постоянно сбивались с такта и спотыкались.

Земляной потолок нависал слишком низко, бриллиантовая паутина выцвела и растрепалась, зеркало воды на полу помутнело, кое-где завелась плесень. Ее не было видно, но, сколько бы эльфийки ни взмахивали крылышками, разгоняя по залу аромат цветов, привкус гнилой влаги все равно возвращался.

Ирн полулежал на выбеленной морем коряге в виде двухместного трона, впрочем, ему и одному едва хватило места развалиться, задрав босые ноги к потолку. Волосы цвета старого золота свисали до пола, отсутствующий взгляд блуждал по серым корням деревьев, за столетия прокопавшиеся в заброшенный зал. Он, казалось, не смотрел на тонких золотых эльфиек, но, стоило им замереть, поднимал руку, и музыка становилась чуть громче, принуждая пальцы – сплетаться, ступни – скользить, а тело – выгибаться.

Все было не то.

Ирн развернулся, перевел взгляд на танцующих:

– Может, вам нужны партнеры? – Он тряхнул волосами, рассыпая сияющую пыльцу на пол бывшего бального зала.

Подходящий заброшенный холм нашелся прямо в городе – в Гринвичском парке Лондона. Ирн даже не сомневался, что там никого нет, и оказался прав. Похоже, во всей Британии нынче не сыскать фейри, кроме тех, что сотворил он.

Он знал, что надо сделать следующим – поискать в других местах. В иных странах, в тайных рощах – повсюду – и посмотреть в глаза правителям: не бывало еще такого, чтобы у королей в роду не встретилось фейри и в зрачках смертных не мерцали золотистые искры. Но сегодня ему хотелось ненадолго вернуться в привычный мир, в котором царили вечные танцы, вечное вино, недолговечная любовь и серебристый смех.

Со смехом тоже было не очень. Острозубые свежерожденные эльфийки не знали старых танцев, не умели веселиться так, как древние фейри, почему-то шарахались от него и вообще походили на поломанный механизм с куклами-автоматами – резкие движения, заедающая мелодия и облезлая краска на шестеренках.

Пыльца мигнула золотом и скрылась в мутной воде... но через несколько мгновений из каменного пола выросло шесть черных силуэтов. Что там за тысячелетия скопилось под магическим зеркалом воды, Ирн не знал, но ему стало любопытно.

Золотой меч скользнул в руку и тотчас прошелся по ше-

стерым, оставив каждому отметину: на плече, животе и на горле, на колене, виске и на губах. Остатки крови смертных смочили темный камень, пыльца фейри впиталась в пористую поверхность, и фигуры задрожали, расплываясь, словно Ирн смотрел на них сквозь горячий воздух.

Вороньи перья, осколки стекла и крошки булыжников, оброненные кольца, жухлая листва, кости рыб и мелких зверей, сгнившие шкуры, уголь и песок – все шло в дело, встраивалось, вплавлялось и искало место на высоких черных фигурах, поначалу неуклюжих, но с каждым мгновением все более угловато-резких и ловких.

– Звезды... – негромко позвал Ирн, подняв голову к потолку, и своды холма раздвинулись, открывая бывший балльный зал ночному небу.

Двенадцать звезд сорвались с небосвода и упали на протянутые ладони Ирна. Он встряхнул пальцами – и фигуры открыли сияющие светлые глаза.

– Танцуйте! – махнул Кровавый Король, закрывая холм.

Музыка – отражение звучащей когда-то в зале – возникла из сотен прошедших лет и заставила шестерых темных сидов⁶ шагнуть к шестерым золотым эльфийкам и заскользить в диковинной призрачной джиге, танцевальных па которой не знал никто, даже Ирн, но тела фейри и эльфийские души странным образом подсказывали, что делать.

Ирн подскочил с трона, убирая меч за спину, обернулся в

⁶ Здесь: одно из наименований эльфов.

золотой плащ, который мигом превратился в рубашку с широкими рукавами и чрезмерно обтягивающие штаны, и протянул руку последней – седьмой эльфийке.

Чуть ярче засияли мхи на стенах, громче ударила джига, но все равно шуршание крыльев, чешуи, перьев, топот ног, шорох одежды звучали сильнее. Они были реальными, а музыка – нет.

Киндеирн подкинул в воздух партнершу, подождал, пока она ударит слюдяными крылышками, и поймал в ладони невозможно тонкую талию.

Оглянулся:

– Весело?

Все казалось иллюзорным. А имитация веселья – чьим-то сном, сумбурным и вялым одновременно.

Едва Ирн отпустил магию музыки – пары застыли и обернулись к нему. Словно он продолжал быть центром их вселенной. Это бы польстило Кровавому Королю, будь они настоящими древними фейри, но сейчас чудилось, что он дергает за ниточки кукол. И едва отвлекается – они безжизненно виснут, даже не пытаясь что-то сделать.

Ирн раздраженно дернул на себя эльфийку, чуть не сломав ее тонкий стан:

– Где ваша воля? Где жизнь? Сколько бы магия ни вливала в вас сил, вы до сих пор не превратились во что-то путное!

Эльфийка испуганно смотрела на него огромными золотыми глазами. Ее маленькие пальчики, подрагивая, легли на

его грудь. Она заглядывала в его лицо снизу вверх, стараясь уловить, чего хочет король.

Зеленые глаза бешено сверкнули:

– Не умеете танцевать – трахайтесь!

Полулежа на выбеленном морем троне, Кровавый Король наблюдал, как в центре бального зала сплетаются тонкие руки, мускулистые ноги, черные перья и золотистые крылья, волосы светлые и волосы темные, касается кожа бледная – кожи смуглой, соединяются по двое – трое-четверо в причудливые фигуры немногочисленные подданные. Играла призрачная музыка. Тонкие губы эльфийки скользили по его члену в том же ритме.

10. Ирн

Утро наступило незаметно. В полутьме холма его не почувствовал никто, кроме Ирна, очнувшегося от мыслей, в которые он погрузился столь давно, что и не запомнил, в какой момент эльфийки и сиды наконец утомонились. Переплелись золотыми и черными телами, утомленно уснули в призрачном свете.

Эльфийка, что досталась ему, свернувшись калачиком, лежала у его ног. Мимолетно он пожалел бедняжку – пока все развлекались, она... Она что? Он не помнил.

Кровавый Король поднялся и прошел мимо спящих, обогнул чью-то откинутую руку, разлетевшиеся в стороны волосы. Эльфийский холм напился страстью и выглядел не таким унылым и заброшенным, но до сияния прежних дней ему еще было далеко.

Земляные переходы вывели Ирна на поверхность, где занимался поздний рассвет, больной и темный, как все ноябрьские рассветы. Праздничная одежда осыпалась с короля листвяной трухой, охряной плащ привычно обвился вокруг тела.

Надо признать: как прежде уже не будет. И дело не в том, что новые фейри, сотворенные из людей, не такие. Пара столетий – станут какими надо. Суть даже не в том, что созданы они из крови и магии Ирна, а значит, неоткуда им взять

беззаботности и легкости, пока не научатся этому сами.

Главное в том, что Киндеирн изменился дважды за свою бессмертную жизнь. Сначала – а когда встретил Айну, потом – когда потерял ее.

И если после первого изменения он научился наслаждаться танцами и любовью, то после второго наслаждался только кровью: золотой, алой, серебристой, зеленой, черной – всеми цветами, какие есть у фейри. И гибелью бессмертных. Умоляющими криками, стонами боли, шипением, треском костей, свистом меча.

Сперва Ирн должен уничтожить тех, кто убил его любовь. Всех. Если кто-то еще жив – рано танцевать под холмами. Затем надо найти свое сердце и вернуть магию в мир. Уничтожить города из железа, вытравить зудящую студеную силу из земли. Обрести власть. И только тогда – научить новый народ фейри быть беззаботными, злыми и веселыми.

Если где-то еще остался волшебный народец – он их отыщет, и пусть придется обойти весь свет.

Возможно, странствуя, он вновь почувствует притяжение сердца.

Где оно скрыто?

Кто хранит его, прячет и запрещает биться?

Стылый свет ноябрьского солнца тянулся полосами по яркой траве парковой лужайки. Тишину усталого утра и тяжелые мысли Ирна нарушили далекие смех и болтовня.

Вскоре под сень огромного раскидистого дуба, растуще-

го на другой стороне луга, выбежало десятка два детей. Крошечных, едва ли Ирну по пояс, в смешных одинаковых жилетах, и намного забавнее взрослых. Старый дуб так аккуратно стряхивал на них разноцветные листья, что король удивленно поднял бровь и потянулся к стволу силой. Но и тот был пуст. Странно, что без своего духа дерево пережило трехсот-летний юбилей.

Во времена Ирна люди не были беззаботны. И уж точно не пускали детей в колдовские леса почти без сопровождения. Эти же хохотали и бросались сухими листьями, будто не существовало порождений тьмы, спящих в древнем краю.

Хотя, возможно, их теперь и нет. Кроме Киндеирна.

Девушка в ярко-рыжей куртке, следящая за детьми, тревожно оглянулась, хотя видеть волшебный холм и фейри не могла. Они скрыты магией куда более старой, чем та, которой владел Ирн. И сейчас эта сила пригодится ему. Королю нужна армия.

Он не сомневался, что справится со всеми фейри, которых сумеет найти. Сейчас никто не сможет его отвлечь, поманить призраком Айны. Она мертва, и он давно смирился. Он не соблазнится даже на ничтожный намек и, уж конечно, не попадет в ловушку снов. Но рисковать не стоит.

Новые фейри пригодятся ему, когда он будет выпалывать чуждую людям холодную магию из городов. Миру нужны волшебные существа. Желательно – мудрые, отчаянные и беззаботные, как всякие фейри, которым исполнилось не

меньше пары веков.

У него есть холмы – туда забредали смертные, где танцевали с эльфами лишь ночь и возвращались молодыми в свои деревни, где проходило полсотни лет. Или наоборот – посевшими и постаревшими, хотя отсутствовали всего неделю. У него есть тринадцать эльфов в старых эльфийских залах. Пусть и займутся этими детьми.

Ирн с усилием воткнул золотой меч в траву. Хрустальный звон наполнил парк, поманил тайной мелодией, запахом маршмеллоу и имбирного печенья, распахнул золотые ворота – клены склонились, рассыпая на дорогу желто-красно-зеленые листья. Маленькие человечки один за другим бежали по дорожке из эльфийских драгоценностей в разверстое чрево холма.

Двадцать. Мало.

Ирн подумал и не стал вынимать меч. В конце концов, это крайне неудобно – таскать оружие за собой в изменившемся мире. Он найдет что-нибудь другое. И ему понадобится одеться так, чтобы не очень отличаться от местных.

Девушка в рыжей куртке растерянно бегала по парку, паника все сильнее искажала ее лицо – но последний ребенок в светоотражающем жилетике уже скрылся в залах фейри. Она была слишком взрослой для того, чтобы услышать конфетный зов Ирна и последовать за детьми.

Ирн задумчиво посмотрел на ее веснушки, изящный носик и рыжие волосы. Пахнет персиками и страхом.

Ирн позволил ей увидеть себя.

11. Кристина

Она вошла в квартиру как раз в тот момент, когда мама попыталась сесть на табуретку, но почему-то промахнулась и завалилась на пол, глядя мимо Кристины и окна, кажется, вообще мимо всего, в невозможную даль.

– Мам, что с тобой? – Кристина отбросила рюкзак и рванулась на кухню, успев в последнюю секунду, не дав родительнице удариться головой об пол.

Мамины пальцы скребли по ее рукаву, стараясь ухватиться, но в них не было силы сжаться. И взгляд – он оставался расфокусированным, и Кристину затапливал невозможный ужас.

Она опустила маму на пол, сдернула полотенце со стола, положила ей под голову. Поискала глазами – вода? Таблетки? Телефон и вызвать скорую? Почему-то ничего вразумительного не появлялось, и она только перебегала взглядом с окна на родное лицо, а затем на капающий кран и на приоткрытую входную дверь, которую не успела захлопнуть.

– Мам?.. – Она сжала материнские пальцы, и те наконец отозвались пожатием.

– Все хорошо... – Мама подняла дрожащую руку и ошупала свое лицо, будто боялась, что где-то его потеряла. Приподнялась, опираясь на локти, посмотрела на дочь. – Ты чего?

– Что я? – Кристина провела ладонью по щеке, стирая слезы. – Мам, скорую?

– Помоги встать...

Кристина протянула руку, поддержала под локоть, и мама сначала села на полу, а потом поднялась и оперлась на стол.

– Дверь-то закрой.

Кристина отошла, оглядываясь, мама пошатывалась, но равновесие не теряла.

– Мам, ты как? В порядке?

– Да конечно! – Она махнула рукой. – Голова что-то закружилась. Ты чего рано вернулась?

– Я – вещи кинуть и флешку с материалами взять. У нас отчет по поездке.

– Ой, тогда бери скорее! Переоденься в блузку, в кремовую, ладно? И юбку новую, может? Или лучше – в платье?

– Мам, ну ты чего? Просто школьный отчет... – Кристина рассмеялась, но еще несмело, настороженно. – Зачем наряжаться?

– А я говорю – надень платье! – неожиданно твердо сказала мама. – Пусть увидят, что моя девочка не только умная, но и красивая.

В другой раз Кристина бы отказалась – шерстяное платье цвета топленого молока, обтягивающее, одновременно сексуальное и уютное, не совсем подходило для школьных дел. Но сейчас она почему-то боялась возразить, словно это могло спровоцировать новый приступ.

Зимние ботинки у нее были одни-единственные, никаких сапожек или хотя бы осенних туфель, поэтому пришлось сделать образ еще и немного брутальным. Впрочем, Кристине даже понравилось – получился контрастный наряд, от которого сперва впадаешь в ступор, пытаясь расшифровать противоречивые сигналы.

Так и отправилась в школу, получив заверения от мамы, что ничего плохого не предвидится и она уже записалась к врачу на всякий случай.

* * *

Людмила Сергеевна, разумеется, смотрела сквозь нее. Попросила выйти вперед Вика, Варю, Ленку и еще одного мальчика-мажора, который, по счастью, лучше всех знал английский и говорил с британским акцентом, в отличие от остальных.

Кристину задвинули в задний ряд – возле сцены расположились представители благотворительного фонда и какие-то люди, которых она до сих пор в школе не видела. Презентацию по-русски вел Вик, как человек с самым подвешенным языком. Когда требовалось говорить по-английски, вступали остальные. Кристина могла бы гордиться тем, что обычную ее работу на мероприятии сейчас выполняют четыре человека, но чувствовала обиду. Кроме того, видео монтировала именно она, и в ролике звучал ее голос, а кое-где на фоне до-

стопримечательностей появлялась и она лично. А тут – как будто ее и нет.

Вероятно, это тоже входило в наказание. Засветиться перед фондом выгодно. Как ни крути, а в поездки отбирали тех, чьи имена хотя бы слышали. Кристине фонд давал больше всех – сертификаты на бесплатные уроки, летние городские лагеря, которые она не могла себе позволить, как и пресловутую поездку в Англию. Обещали подбрасывать работу по переводу, когда она получит аттестат, и уже подкидывали копеечные расшифровки аудиозаписей интервью на английском.

– Спасибо фонду «Инглиш Брэкфаст»⁷ за познавательное путешествие! Мы надеемся на дальнейшее сотрудничество! – В конце отчета слово взяла Людмила Сергеевна. От криза, если таковой был, она уже очухалась, сияла и бодро улыбалась во все сорок восемь зубов в адрес спонсоров. – Сегодня сюда пришли и наши недавние друзья – НКО «Новая смена»! Они прослышали про наших талантливых ребят и хотели бы отобрать кого-нибудь в программу поддержки будущей интеллектуальной элиты страны! Приглашаю на сцену помощника депутата – Гаврилова Алексея Викторовича!

Кристина вздохнула. Наказание только что стало более чем весомым. Однако она подозревала – к социальному лифту ее бы все равно не подпустили, там уже полно желающих.

Алексей Викторович оказался молодым парнем, не стар-

⁷ Название переводится как «Английский завтрак» – *English Breakfast* (англ.).

ше двадцати пяти. Темно-русые волосы аккуратно подстрижены, но видно, что это – не просто «прическа мужская, одна штука», а работал настоящий мастер, сумевший найти форму, которая подошла к профессионально широкой улыбке помощника депутата, его голубым глазам и ямочкам на щеках.

Алексей Викторович ненавязчиво сверкнул мощными часами и поправил полу пиджака, как если бы под ним было что-то спрятано, и повернулся к залу, демонстрируя открытые ладони. Все девчонки тут же сделали стойку.

Алексей Викторович улыбнулся Людмиле Сергеевне и доброжелательно, но твердо сказал:

– Я не вижу среди выступающих одного учащегося – и безусловно весьма талантливого. Я говорю о той девушке, что озвучивала в ролике презентацию и рассказывала очень интересную историю лондонского пожара⁸. Она ведь ваша ученица, я не ошибаюсь? Почему вы скрываете такой бриллиант? – И он безошибочно посмотрел в сторону темного угла, где пряталась Кристина.

⁸ Имеется в виду Большой (Великий) лондонский пожар, который произошел в начале сентября 1666 года и продлился несколько дней.

12. Кристина

Повинуясь раздраженному жесту Людмилы Сергеевны, Кристина встала и пошла вперед. Осмотрев ее с ног до головы, завуч поджала губы. Что она подумала, было нетрудно догадаться. Не взяли выступать, значит, надо привлечь внимание хоть так. Внимание Кристина действительно привлекала. Как минимум своего класса.

Вик лапал ее глазами без остановки. Кто-то из зала при-сви-стнул, и даже помощник депутата Алексей Викторович, прежде чем посмотреть ей в лицо, задержался взглядом сначала на ее бедрах, которые платье отменно подчеркивало, а потом на декольте.

А вот когда он добрался до глаз, Кристина едва не споткнулась. Она покачнулась, вновь обрела равновесие, но мир вроде бы немного сдвинулся с места. Звуки стали чуть звонче, цвета – ярче, воздух приобрел вкус – как будто после бутилированной воды пьешь родниковую. И появилось ощущение легкой нереальности, словно она попала в чужую сказку.

Голова закружилась, пока мозг пытался осознать, куда он попал. Кристина сразу подумала о маме – она так же себя чувствовала перед обмороком? Нет, вряд ли. На нее никто не смотрел глазами Большого Плохого Волка из сказки, как этот Алексей. Как она ни старалась стряхнуть ощущение,

оно лишь усилилось, когда он подхватил ее под локоть.

– Эта... несомненно, талантливая ученица, – прошипела с парадной улыбкой на устах Людмила Сергеевна, – к сожалению, сильно нас подвела в поездке. Мы посчитали, что раз она не может соблюдать дисциплину, то и делать ей...

– Простите, как вас зовут? – не слушая завуча, спросил у Кристины Алексей.

– Васильева. Кристина, – пробормотала она, пытаясь понять, почему ей хочется спрятаться от него за спиной у завучихи.

– Посмотрим... – Он взял со стола листок с текстом и пробежал его глазами. – Простите... – Это уже Людмиле Сергеевне. – А почему Кристины Васильевой нет в списках для нашей организации? Насколько я понимаю, ее поездку оплачивал фонд, значит, она из малоимущей семьи. И талантлива. Именно о таких учениках мы и хотим позаботиться.

– Я ведь уже сказала... – Завуч нервно приложила украденным у директрисы жестом пальцы к вискам. – Кристина ненадежный человек, мы не можем...

– Все вы можете. – Алексей не выпустил Кристининого локтя и даже стиснул его. – Но не хотите. Была бы она богатой ученицей, чьи родители финансово помогают школе, вы бы вели себя по-другому. И «ненадежность» девочки считалась бы простительной. – Помощник депутата шагнул к завучу, потрясая списком учеников. – Не смейте так делать! Поэтому мы и основали «Новую смену», чтобы такие, как

вы, никогда не мешали одаренным подросткам...

– Алексей Викторович! – Людмила Сергеевна наконец вспомнила про тайное оружие – учительский голос, которого до пенсии бояться даже генералы. – Вы молоды и не понимаете...

– Так!!! – У Алексея Викторовича оказался голос помощнее учительского, и он гаркнул на все помещение: – Давайте разберемся!

Кристина почувствовала, что может упасть в обморок. Головокружение усиливалось, а звуки то взмывали тонким пискom, то растягивались, как замедленная пластинка.

– Можно я... выйду? – спросила она.

Но никто не обратил на нее внимания.

Скандал набирал обороты.

Пользуясь тем, что ее руку выпустили, Кристина доковыляла до дверей и, задыхаясь, пробежала до выхода из школы, где глотнула холодной ноябрьской свежести. Сознание прояснилось.

Сколько она тут простояла, Кристина не представляла. В воздухе висела влажная дымка, но дождя не было, и оказалось еще достаточно тепло, чтобы она не замерзла в тонких колготках. Возвращаться не хотелось совершенно. Этот мерзкий кавардак, бесконечное унижение...

Алексей Викторович, конечно, прав. Будь на ее месте Варя, ничего бы не случилось. Поорали и забыли. Но то, что кто-то принялся защищать ее как бедную, нищую, угнетен-

ную крестьянку... Это же такое «фу» – Кристина была готова отвергнуть любую помощь, лишь бы никогда не попадать в подобную ситуацию.

Дверь школы хлопнула, и Кристина оглянулась.

На крыльце стоял Алексей Викторович.

Прикуривал сигарету.

Кристина развернулась, чтобы уйти, но он остановил ее.

– Васильева? Тьфу, черт... – скривился он. – Эта школьная манера – всех по фамилиям. погоди, Кристина.

Ее неприятно царапнуло фамильярное обращение, но он сразу поправился:

– Зови меня Алексей и тоже на «ты», пожалуйста, я ненамного старше. – Он взял в зубы сигарету и протянул ей свободную руку.

Кристина с некоторым недоумением ее пожала: с ней раньше никогда такого не происходило.

– Давай поговорим?

Кристина неуверенно кивнула. Встала так, чтобы дым летел в другую сторону, но легкий ветерок никак не мог определиться с направлением и постоянно сдувал сизое облако прямо на нее.

– Не любишь дым? – догадался наконец Алексей. – Прости. Он затушил сигарету о блестящий бок урны и выкинул окурочек.

– Спасибо, – тихо сказала Кристина. Теперь она почувствовала, что замерзла, но сбежать было неловко.

– Итак, Кристина... – Алексей покачался с пятки на носок, поглядывая на нее. – Ты очень талантливая девочка, я прочитал твое личное дело. Ради таких, как ты, мы и основали нашу организацию. Вот исключительно ради вас.

– Бедных? – вырвалось у Кристины горькое.

– Способных, но без возможностей пробиться, – спокойно парировал Алексей. – Ты куда поступать думаешь?

– В библиотечный колледж, – буркнула Кристина, ежась от пробирающегося под платье холода.

– Книжки читать любишь? – хмыкнул Алексей.

– Все бюджетные места в иностранке – для медалистов, – покачала головой Кристина. – А в универе конкурс, шансов почти нет.

– В международном?

– Нужны рекомендации от курирующих организаций. – Кристина пожала плечами и спрятала заледеневшие пальцы в рукава. – Мне теперь и характеристику не дадут.

– Других мест нет?

– Другие платные.

– Понятно. – Алексей достал из кармана пачку сигарет, зажигалку, посмотрел на них некоторое время и снова спрятал. – Вообще-то с твоими мозгами нужен нормальный институт.

Кристина снова пожала плечами. Точно. Мало ли что кому хочется, жизнь несправедлива.

А он продолжил:

– Рекомендации мы тебе выьем. А вот чтобы получить льготу на оплату, надо зарегистрироваться в нашей программе – подъехать в офис, заполнить бумаги.

Кристина не поняла даже, что он предлагает. Доходило долго.

– Вы хотите дать рекомендации в международный институт?

– И оплатить тебе учебу там или в любом другом нормальном вузе, если прилично сдашь экзамены. Нам нужны талантливые девочки.

Кристина не заметила оговорок. Ощущение нереальности ситуации усилилось настолько, что она ждала: из-за кустов вот-вот выскочит розовая единорожка.

– Давай свой телефон. Будем напрямую общаться, а то школа у вас гнилая, – заметил Алексей.

Кристина вскинула на Алексея глаза, но он смотрел на нее прямо и вроде без задних мыслей. Она поколебалась, но продиктовала номер.

Он улыбнулся, и на щеках появились ямочки. На левой – чуть поглубже.

13. Ирн

Железо – это больно.

Ирн пропустил войны между людьми и фейри.

Они ведь были?

Иначе откуда взялось холодное железо в их мире на каждом шагу.

На каждом.

Земля покрыта железом, дома из железа, инструменты, оружие, одежда, повозки – почти все, до чего дотрагивается Ирн, состоит из него.

Если в этих войнах победили люди, победили они нелегко.

В трехсотлетних деревьях никогда не было души. Может, фейри ушли намного раньше.

И если до сих пор потомки племен богини Дану⁹ боятся выпустить холодное железо из рук, значит, фейри их здорово напугали.

Ирну стало понятнее, почему он не встречает волшебный народец. Если они вообще живы, искать надо в тех краях, куда не добралось вездесущее железо – в заповедных рощах, в тайных долинах, вход куда открывается только в определенные дни и часы.

⁹ Одно из мифических племен, правивших в Ирландии в древности.

Возможно, именно там он и сразится с остатками вражеских армий.

До ночи зимнего солнцестояния, когда откроется портал в самое главное место – рощу Айны, где сама земля дышит магией, остается еще достаточно времени. Он успеет проверить все остальные места.

Ведь люди придумали много быстрых и забавных способов перемещения. И хотя железо – это больно, Ирн вполне силен, чтобы потерпеть.

Он только морщится, проходя через металлические рамки в аэропорту. Железо он как-то сносит, но излучение, проникающее под кожу, – по-настоящему неприятно.

Ему даже приходится замереть на пару секунд и прижать пальцы к шраму-звезде на груди, настолько жжет пустота внутри.

Когда он вернет сердце, все изменится. И для него, и для мира. И кажется, здешним обитателям это очень не понравится.

Длинные золотые волосы собраны в низкий хвост, перехваченный серебряной заколкой. Капюшон темно-красной толстовки ложится на воротник длинного черного пальто, которое удачно скрывает шесть серебряных ножей на поясе.

Ирн любит ножи. То, что люди их боятся, – только к лучшему.

Но сквозь боль и тошноту от железа вокруг он чуть не забыл отвести глаза соглядатаям. Пришлось потоптаться в

огромном светлом зале, из которого можно наблюдать за взлетающими – железными! – самолетами и на скорую руку заговорить амулет в виде крошечной алмазной капли в ухо.

Теперь, глядя на него, люди будут забывать о том, что Ирн им чем-то не нравится.

Джинсы ему не приглянулись. Запах краски горчил на языке, надеть это было хуже, чем передвигаться с железным мечом в груди.

Он выбрал кожаные штаны.

Слишком гладкие на его вкус. Но в целом ему понравился результат.

И толстая подошва ботинок, почти убирающая боль от хождения по железным полам – тоже. Обжигаясь, он сорвал с одежды все металлические детали и заменил на серебро.

Оставалась последняя проблема – долгие часы в самолете.

Но когда он, морщась, вошел в чрево опять-таки железной твари, его встретили улыбками две блондинки в голубой униформе.

Ирн всегда любил фейри-блондинок. Пока не встретил темноволосую Айну – после этого те забылись. А две смертные женщины, которые терлись об него, своей теплой человеческой близостью, уютной мягкостью, сияющим восхищением в глазах убирали и зуд, и головную боль от проклятого железа – и в итоге очень скрасили несколько часов перелета.

Ирн даже решил наградить их так, как редко кого награждал – подарить выбор.

Может быть, человеческий мир уже изменил его сильнее, чем он думал.

Когда самолет приземлился, он спросил:

– Деньги или любовь?

Одна ответила:

– Деньги.

Ирн, усмехаясь, насыпал ей в ладони целую гору тяжелых золотых монет. Шутка была старой и глупой, и он сам не ожидал, что получит такое удовольствие.

Завтра они обернутся сухими листьями, как всегда происходит с золотом фейри. Странно, что люди забыли об этом.

Вторая сказала:

– Любовь. – Ее глаза горели сильнее, чем у подруги: когда блондинка смотрела на Ирна, она упоенно перебирала его волосы, сладко и горячо скользила губами по его коже и так близко прижималась, что временами ее энтузиазм приходилось усмирять.

Планы Ирна не включали в себя оргии в железном гробу где-то в небесах. По крайней мере, пока. Но ответ его не удивил, и Кровавый Король подарил ей больше, чем она попросила.

Он провел пальцами по глазам женщины, ослепляя, вытянул из середины груди длинные черные нити ее мыслей и перевязал запястье своим волосом.

Следующий, кто сел в кресло, в котором Ирн оставил ее, подхватил на плечи невесомую хранительницу тайных снов.

Отныне она переходила от человека к человеку во время секса без любви и мучила каждого хозяина бесконечными видениями о жарких ночах с той, кого он любил сильнее всего.

Ирн мысленно улыбнулся Айне – подобную разновидность фейри они когда-то придумали вдвоем, так и не решив, награда она для людей или наказание. Но именно это им и понравилось.

Он покинул самолет и очутился в ярком городе, где даже в ноябре было жарко, а солнце слепило привыкшие к полутьме холмов глаза.

Ирн обнаружил, что темные очки ему очень к лицу.

14. Кристина

Каждый раз, когда Варя приглашала Кристину в пиццерию, они разыгрывали одинаковый спектакль.

Кристина отнекивалась, поскольку поход ей был не по карману. Варя настаивала, уверяя, что общество подруги – уже достаточная плата.

Кристина сжималась от стыда из-за того, что Варя вынуждена так говорить. Значит, для Кристины компания подруги не настолько ценна? Все кончалось договором «потом ты заплатишь за двоих» и следующим разом оказывалось дешевое мороженое в парке.

Ни та, ни другая сторона не могли придумать, как избежать этих «танцев». Ведь Варе несложно было поделиться пиццей, но Кристине – трудно принять ситуацию как должное. Устраивать посиделки у кого-нибудь дома – еще хуже: в пиццерии они выглядели равными, а в квартире разница становилась кричащей. Но и отречься от дружбы, длящейся с детского сада, в семнадцать лет невозможно. Даже если с каждым годом все яснее, что несхожесть в социальном положении однажды их безнадежно разведет.

– И ты дала свой номер? – восхитилась Варя, соскребая вилкой сыр с пиццы. Она уже наелась, но остановиться было не вмоготу. Пришлось переключиться на начинку. – Везет тебе, Васильева, такой мужик!

– Какой мужик? – Кристина и жевать перестала. – Просто работает в организации, где собирают таких, как я.

– Ага, и за каждой «такой» выбегают на холод и уламывают. Кристин, открой глазки! И заодно зацени мужика! Ты видела, какое у него тело под костюмом? Он небось не вылезает из качалки.

– Тело?.. – Кристина совсем растерялась. – Варь, честное слово, не все на свете вертится вокруг секса.

– Ой, Крис! – Варя откинулась на пластиковом стуле и взяла молочный коктейль. В пиццерии было пусто – по будням здесь тусовались школьники, но уже наступил вечер, завсегдатаи разошлись по домам. Только в углу сидела небольшая компания парней из спортивной школы, судя по одинаковым сумкам. – Если тебе даже Фрейд не авторитет, то подумай о будущем. Даже я не отказалась бы от нормального папика. С деньгами и связями, хотя у родителей все есть. А тебе бы как на пользу пошло...

– Варь, ты ведь знаешь, это не для меня... – Кристина с сожалением отложила очередной кусок пиццы. – Хватит, не лезет.

– Попросим упаковать. – Варя жестом позвала официантку. – Ты скажи еще, что собираешься хранить девственность до брака.

– Давай не будем...

– Конечно! Замуж ты собираешься после института: если повезет, через пять лет. Столько времени без секса! – Варя

сделала большие глаза. – Ужас.

– Мне нормально. Кроме того, библиотечный колледж после одиннадцатого – всего два года. Мама замуж как раз в двадцать вышла.

Варя вздохнула. Она замуж собиралась не раньше тридцати и не планировала отказываться от отношений до брака. Кристина выбрала противоположную тактику. Кто в итоге будет счастлив? Не поддается прогнозам.

– Если тебе Алексей не нужен, отдай его мне! – Варя решила, что изящно сменила тему.

Кристина – нет.

– Не думаю, что у него есть на меня планы, серьезно, – покачала головой Кристина. – Делай что хочешь. Любой парень на свете лучше, чем Вик.

Лицо Вари на секунду омрачилось такой страшной тоской, что Кристина предпочла бы промолчать, если бы посмотрела на подругу. Но в тот момент Варю заслонила официантка, которая принесла коробки, куда и упаковали остатки пиццы.

– Ты домой? – спросила Варя и привстала. Хотелось еще поболтать, но уже минут пятнадцать она ловила на себе взгляд одного из спортсменов.

– Нет, я... – Кристина смутилась. – Хочу в церковь зайти. Мама приболела, свечку поставлю.

Варя закатила глаза:

– Угораздило меня подружиться со святошей. Ладно, то-

гда ты каяться, я грешить. Увидимся в школе! – Она плюхнулась на диванчик, обхватывая губами соломинку в стакане с молочным коктейлем.

Когда Кристина выходила из пиццерии, парень-спортсмен уже направлялся к их столику.

После визита в церковь стало только хуже.

Кристина пробыла в храме полчаса: глядела на теплый мерцающий огонек свечки и старалась не замечать дешевый сайдинг, которым была обшита «церковь в шаговой доступности».

Иконы, явно намалеванные учениками, слишком жестоко контрастировали с воспоминаниями о фресках Айя-Софии. Висели они на стенах густо, почти бились рамами, и церковь больше напоминала деревенский музей местных талантов.

В довершение всего в углу красовался огнетушитель и, казалось, только и ждал, чтобы Кристина отняла руку от свечи, чтобы напасть и весь огонь потушить.

Ощущение Бога не приходило.

То чувство, что закружило ее в Стамбуле, золотистый свет, зов истинного дома, настоящая любовь и смысл – здесь даже вспоминалось с трудом. Будто и не было ничего. В сердце не открывалась дверца для чего-то настоящего. Глухо, словно между миром и раем – бетонная стена. Будто небес и вовсе нет.

Может, виноваты убогие стены, запах краски, темнота и пластиковые стулья? А может, Кристина из тех снобов, что

согласны верить исключительно в сияющего золотым шитьем Господа, а истинного и скромного не заметят? Ей бы не хотелось такой быть.

К волнению за маму добавилось чувство вины. И еще немного страха – вдруг она уже не испытает волшебное чувство?

Дверь в квартиру Кристина открывала со страхом – не накажет ли ее Всевышний за отсутствие веры, не увидит ли она снова, как безвольно повалится мама на пол и на этот раз не придет в себя?

Но мама была в порядке: возилась на кухне под шкварчание сковороды и махнула рукой вошедшей дочери. Под глазами залегли чуть более темные тени, чем обычно, но она улыбалась, и на всю квартиру пахло чем-то вкусным.

Даже после пиццы Кристине захотелось есть. Она поскорее сняла ботинки и побежала обниматься.

И неожиданно заметила гостя.

– Это Ванечка, – извиняющимся тоном сказала мама, указывая на высоченного плотного парня, который пытался уместиться на крошечной табуретке за кухонным столом. – Сын моей коллеги. Ему нужно сделать перевод, а ты ведь у нас хорошо знаешь английский? – Голос у мамы был заискивающий, но хитрый, и Кристина поняла, что проблема будет не только в переводе.

15. Ирн

– Здесь нельзя курить.

Ирн побывал в Европе: старинные замки еще носили следы воспоминаний о фейри, кое-где он находил комнатки для домовых-брауни, на мозаиках и лепнине порой чудился золотой отсвет в глазах рыцарей и прекрасных дам. Правнуки дубов, что сбежали желудем или веточкой из священных рощ, захватывали целые леса, не пуская в те края слабосильные ясени и вязы. В языках и книгах следы были еще ярче, а в одежде и украшениях он встретил немало знакомых мотивов. Даже давящая чуждая магия и технологии, выворачивающие наизнанку самую суть мира, не могли забрать у людей тягу к живой природе фейри.

– Эй, вы слышите? Не курите, пожалуйста, в помещении.

В Азии – еще тяжелее: местный волшебный народец всегда был скрытным, странным, по-настоящему страшным, и, уходя, куда бы они ни направлялись, фейри забрали все, что могли. Оттого люди и тосковали по магии сильнее, стараясь «вскормить» силу в себе. Увы – можно воткнуть серебряный цветок в почву, но он не вырастет. И никто не перепутает искусственное с настоящим.

– Молодой человек! – Служащий стокгольмского аэропорта отчаялся дозваться странного пассажира, который, ничуть не смущаясь запрещающих знаков, закурил сигарету

прямо у выхода на посадку, поэтому решился на крайние меры – взял его за плечо, разворачивая к себе.

Южные земли оказались хуже всего. Их пропитала кровь фейри – проклятая, черная, как нынче у самого Ирна. Даже в те годы, когда он шел по зеленым лугам, перекрашивая окрестности в алый, а в ручьях плескалось больше эльфийской крови, чем в венах уцелевших фейри, он редко видел подобных ему: отчаянных, отчаявшихся, темных созданий. А там, в жарких краях, где он сменил полюбившееся пальто и кожаные штаны на белые брюки и рубашку, воздух до сих пор дрожал от страданий и боли.

Но нигде не было фейри – ни живых, ни мертвых.

Ирн повернулся к испуганному мальчику в темно-синей форме. Для человека он был взрослым, хотя и мужчиной не стал, и глаза успели потускнеть. Но людям всегда тяжело давалось взросление: осознать себя помогала лишь сильная боль и пограничный страх. Хотя без ритуалов, которые в прежние времена они проводили для детей, они, конечно, выросли, но поздно – и далеко не все.

– Потушите сигарету, иначе я буду вынужден позвать полицию! – Голос парня срывается, в смешных карих глазах – испуг, а ведь Ирн еще ничего не сделал!

Но люди подсознательно, памятью предков, чувствовали в нем – фейри. И боялись или вождели. Редкие исключения Ирн не пропускал. Как бы ни сложились обстоятельства, миру не помешает сотня-другая фейри, рассеянных по свету.

Здесь, на севере, фэйри жили в тайных местах, укрытых не столько от глаз смертных, сколько от недружелюбной погоды. В священных лесах вечно звенела весна, на холмах всегда светило солнце, деревья, кусты и ягодные полянки цвели и плодоносили непрерывно. Но за возможность открыть туда путь требовалось принести жертву. Здешние люди помнили традицию, но забыли смысл. Никогда не выходили из дома в одиночку, если намечался снегопад, и чаще всего по двое и возвращались.

– Как тебя зовут?

Сверкающие зеленые глаза под рассыпчатым золотым шелком волос заворожили служащего. Ему показалось, что обернулся не наглый нарушитель, а некое божество почтило его вниманием.

В общем, он был максимально близок к правде.

Но кто же разглядит древнего бога в невероятно красивом, но вполне человекоподобном мужчине в белоснежной парке и с дешевой сигаретой в длинных тонких пальцах.

На сигарету служащий и указал возмущенно, однако слова примерзли к небу – движения незнакомца заворожили, притянули, позвали за собой. В голове одна за другой стали вспыхивать картины, о которых он... Он никогда... У него ведь жена... И дочь... Господи, как же влекут к себе эти эльфийские чертоги...

Ирн, впрочем, уже прочитал имя на бейджике:

– Эрик, хочешь, я покажу тебе кое-что волшебное? – Ирн

отбросил сигарету.

Перепробовав все дурные привычки, которыми развлекались в нынешние времена, он остановился на сигаретах и латте – очень горячем, очень сладком и с облаком взбитых сливок. Волшебный народец всегда был неравнодушен к молоку...

А старшие эльфы просто никогда не пробовали малиновый латте в лондонском «Неро».

Рядом с фейри не было холодно – он будто носил с собой маленький кусочек земляничной поляны из глубины лета, и Эрик не вспомнил о куртке и шапке, выходя в холод зимней ночи. За незнакомцем тянулся едва уловимый запах волшебства – елочных украшений, свежего снега, тягучих утренних поцелуев. Только раньше Эрик хотел получать ласки от Анны, а теперь он забыл о ней. Как и о дочери. Золотистые крылья и сияющая кожа эльфиек, танцующих под холмами, манили его куда больше семейных радостей.

– Дочка, говоришь... – Ирн остановился, полез в карман и бросил Эрику телефон. – Звони. Дочь тоже берем. Как ты мог лишить ее света волшебных холмов?

Ирн провел кончиками пальцев по лбу Эрика, и тот понял: сегодня произойдет то, ради чего он вообще родился на свет.

С точки зрения фейри, так оно и было.

16. Кристина

Начало декабря – не лучшее время для свиданий на свежем воздухе. Пока Ванечка еще притворялся, что встречается с Кристиной ради переводов и уроков английского, он соглашался на посиделки в «Макдоналдсе». Но мужское достоинство парня было ущемлено тем, что работники наверняка думают о нем как о нищоброе: ведь он вместе с Кристиной по два часа сидит, зарывшись в учебники и тетради, не покупая даже мороженого.

Когда перевод был закончен, а уровень подготовки к экзамену на кандидатский минимум Ванечка счел достаточным, он напрямую предложил Кристине стать его девушкой.

Да-да! Конечно, он знает о том, что она не собирается пока замуж, и готов ждать сколько потребуется. Но Кристина – хорошая, правильная девушка, он готов о ней заботиться и защищать. И учить, как выжить в жестоком мире. К тому же их матери так дружны. И настоящие свидания должны проходить не в «Макдоналдсе», а на романтичных аллеях парка. Даже в холод.

Кристина, в общем, была не дура и отлично все понимала. Особенно когда заметила, что темы разговоров на свиданиях все равно крутятся вокруг английского. Но мама действительно сильно расстроилась бы, да и от родительницы Ванечки очень многое зависело на работе. Ну а Кристина скучала

вечерами, когда Варя убегала то к своему спортсмену, то к Вику, который решил попробовать еще разок.

Алексей не звонил, а Кристина стеснялась напомнить о себе. В школе вроде притихли, хотя завуч смотрела волком. Но глазеть она могла сколько угодно, главное, что оценок не занижала и в консультациях не отказывала. Кристина брала от школы максимум: больше бесплатных знаний в жизни не будет. И однажды во время прогулки по заснеженному парку – «Крис, посмотри на этих детишек, видишь, как им весело и жарко, почему ты мерзнешь? Купи чаю, если боишься заболеть», – когда компания Ванечки стала окончательно невыносимой, и в основном Кристина помалкивала, они неожиданно столкнулись с Алексеем.

Сперва она не обратила внимания на дорожную машину, припаркованную у ворот конной школы. Привычно обогнула по сугробам, промочив ботинки. Ванечка заворчал на «хозяев жизни, которые забыли, как пешком ходить», и, похоже, инцидент был исчерпан – они двинулись дальше.

Но вдруг дверца распахнулась, и с заднего сиденья позвали:

– Кристина! Васильева!

Она резко обернулась и поскользнулась на плохо расчищенной дороге, начала падать, но мужские руки подхватили, удержали и... обняли? Кристина хотела фыркнуть на Ванечку, который, несмотря на клятвы и заверения, все-таки часто лапал ее, зажимал в дверях и намекал, что в семнадцать лет

быть нецелованной – неприлично, но это оказался не он.

Алексей двигался невероятно быстро – он моментально оказался на улице и теперь крепко держал ее, не спеша выпускать. Кристина не торопилась высвободиться. Он сменил костюм на бриджи и толстый свитер, и, судя по высоким сапогам, приехал заниматься верховой ездой. В таком виде он гораздо меньше ее пугал своим статусом помощника депутата и выглядел привлекательным и настоящим. Она бы сказала – даже добрым, но выражение заботы на лице Гаврилова быстро сменилось и стало гневным: он заметил Ванечку, который сводил брови к переносице и настроился на мужской разговор.

– Васильева! Почему я тебя здесь вижу? Разве ты не должна готовиться к ЕГЭ? К олимпиадам? К вступительным тестам в институты? Я же говорил тебе, что мы оплачиваем обучение только тех, кто получит высокие баллы!

– Мы просто гуляли... – Невесть почему Кристина почувствовала себя виноватой. Глупо тратить каждый час на учебу, отдыхать тоже нужно, и Алексей должен понять...

– Зимой? В холод? Воспаление легких лишит тебя, по крайней мере, недели подготовки, а то и больше! И личную жизнь лучше отложить на тот момент, когда у тебя будут твердые перспективы. Особенно личную, которая перспективам не помогает!

– Я помогаю... – Ванечка оценил и «правительственный» номер АМР, и машину, и Алексея, поэтому в драку лезть

передумал. Но не высказаться не мог.

Тот его, впрочем, проигнорировал.

– Кристина! Ты ответственный человек, я ведь не поверил вашим учителям, я по тебе вижу! Почему ты меня разочаровываешь? Ты не позвонила, не приехала, заявление не заполнила. Я начинаю думать, что нормальный вуз тебе и не нужен!

– Я ждала...

– Чего же? – Алексей убедился, что она твердо стоит на ногах, и отпустил девушку – Ванечка тотчас сграбастал ее за руку к себе. – Что тебе на блюдечке все принесут? – Он покачал головой, перевел взгляд на парня, потом на Кристину, махнул рукой и забрался в машину.

У Кристины не было настроения продолжать гулянку. Молчаливый и задумчивый Ванечка быстро проводил ее до дома, не согласившись на чай.

Мама встретила ее с потемневшим лицом:

– Кристиночка, только не волнуйся, пожалуйста...

17. Ирн

Как умирают люди?

Обычно – грязно.

Болезни доводят их организмы до того, что части тел умирают и начинают отравлять трупным ядом все остальное. Мертвая гниль внутри. Забитое слизью горло, изношенное сердце, которое не может сокращаться, мозг, отказавшийся управлять адовым механизмом. Раны раскрываются алыми пастями, но, кроме чистой крови, из людей истекает столько других жидкостей, что железный запах теряется в зловонии смертной плоти.

Обычно – в страхе.

Торопясь прожить недолгие годы, подгоняя дни, чтобы поскорее получить то солнечное воскресенье, то созревшее яблоко, то встречу с любимыми, люди забывают наслаждаться жизнью. Тратят впустую, так и не почувствовав вкуса, и спохватываются, когда она кончается. Они всегда бегут вперед. А что там – неизвестно.

И еще – в одиночестве.

Истончается нить, иная сторона зовет к себе, отсветы нездешнего меняют того, кто уже видит дорогу, по которой уходит. Этот опыт отделяет его даже от тех, кто сидит рядом у постели. Что уж говорить о тех, кто не успевает приехать попрощаться.

Больно. Страшно. Одиноко. Чудовищно.

Но не тогда, когда ты умираешь на руках фейри.

Когда каждый вдох напоен ароматом трав середины лета.

А каждый выдох – сладостнее оргазма.

Золотое сияние окутывает тебя только потому, что Истинный Король мира держит тебя на руках, и твоя человеческая кровь выливается из ран чистой, вкусной, сияющей. И слабеющие удары сердца – как волны наслаждения, ударяющиеся о берег, после того как вдали, на горизонте, прошел белоснежный лайнер.

И до самого конца на тебя будут с любовью смотреть сверкающие как изумруды зеленые глаза. Прозрачные, колдовские, не отпускающие до той последней точки, где ты превращаешься в незамутненный свет.

– Папа умер? – спросила сероглазая Лотта.

Ирн кивнул.

Вытекающая из тела Эрика кровь тянулась рубиновым языком по белому снегу, и там, где ручеек протапливал себе дорогу, уже появлялась яркая зеленая трава.

Проход открывался.

– Я тоже так хочу. – Лотта мотнула головой, сбрасывая тяжелый капюшон. Светлые, почти белые волосы взвихрила метель, но Ирн шикнул на хоровод снежинок, и он улегся снежной лайкой у ног.

– Прости, малышка, этого не будет, – нежно ответил он, поднимаясь и оставляя бледное мертвое тело ее отца на сне-

гу. Ирн протянул руку и взял маленькую ладошку девочки. – Идем. У тебя другая судьба, Лотта, человеческое дитя. Ты никогда не умрешь.

Спустя неделю – или пятьдесят лет по времени тайных холмов – Ирн поцеловал белые холодные губы сероглазой Лотты, новой правительницы фейри северных земель, в последний раз и вернулся в человеческий мир.

Ирну предстояло подождать несколько дней до зимнего солнцестояния, которое откроет портал в последнюю тайную рощу. У него было хорошее предчувствие – именно там прячутся остатки фейри, которым он и обеспечит погибель.

Вечно, до конца времен, когда мир вывернется наизнанку и тайные схроны Ирна выплунут свое содержимое.

* * *

С наступлением темноты Пикадилли взрывается огнями. Клубы Сохо расцветчивают ночь мазками разноцветных красок, растекающихся световыми пятнами из дверей. Девочки в виниловых юбках ломают ноги на десятисантиметровых платформах, мальчики во флуоресцентных футболках глазят на размалеванных подруг. Музыка перетекает в дым вейпа и чего-то покрепче, запахи духов сливаются с усталыми танцами.

Высокий длинноволосый мужчина в распахнутой, несмотря на промозглый декабрь, белой рубашке и дизай-

нерских джинсах привлекает внимание завсегдатаев мгновенно.

Здесь рождается мода – уже со следующей недели станет популярным золотистый загар и сдержанный блонд, драная на коленях голубая джинса и крупные пряжки на ремнях. Жаль, что утомленный взгляд, жесты узких пальцев, царственный поворот головы нельзя скопировать столь же легко, как одежду.

Он пьет грушевый сидр за столиком снаружи паба, а со всех углов к нему крадутся, на него ведется охота и делаются ставки: та или иная девочка или все сразу? Блондинки, брюнетки, веснушчатые дивы с клубничными губами? Пойдет пить дальше или можно подсекать? Заманить в тайный бар на третьем этаже в чайна-тауне или проводить до отеля?

Когда к нему подсаживаются две самые смелые – одна с иссиня-черными волосами и ресницами, от которых поднимается ветер, другая – невзрачная, светло-русая, с короткой стрижкой и пухловатая для этого места и времени, – Ирн легко читает их мысли.

Первая думает, что подружка удачно ее оттеняет, а в крайнем случае можно и место уступить. Иви, говорят, в постели хороша, вот пусть и трудится.

Вторая – Иви – дорожит дружбой. Причем по-настоящему. И согласна быть для подруги всем – фоном, третьей, брать все самое тяжелое на себя, только бы та разрешила быть рядом, не бросала в огромном холодном мире, где всем

на Иви наплевать.

Он не снимал номер в отеле, но, конечно, ему рады и с удовольствием предоставят мистеру президентский люкс в... э-э-э... рекламных целях! Золото фейри дождем сыплется на стол, клавиатуру, заливают сверкающим водопадом дешевый офисный стул.

В номере круглая кровать и блестящий шест, и первая, брюнетка, моментально оказывается у пилона, демонстрируя таланты и умения. Глаза Иви светятся – она не сомневается, что Ирн всецело переключится на ее подругу.

Но у него немного иные планы.

18. Ирн

Иви отходит в сторону, Иви ждет, что он уделит внимание настоящей жемчужине, Иви привыкла. Иви посмотрит.

Но Ирн лишь проводит над брюнеткой ладонью, страхи-вая черно-зеленую пыльцу на бледную кожу, и поворачива-ется к другой девушке. Обводит ее хищным колючим взгля-дом, словно вонзая тонкие осколки зеленого стекла ей под кожу. Иви вздрагивает, как от боли. Она не привыкла быть в центре внимания. Взгляд мечется, падает на подружку – та продолжает вертеться вокруг шеста со стеклянными глазами и застывшей улыбкой. Руки и ноги гнутся и вытягиваются, тело извивается под неслышную музыку.

– Что с ней? – испуганно спрашивает Иви.

Но фейри не отвечает.

Шаги его неслышны, он как ветер, как солнечный луч, как паутинка, коснувшаяся лица, как лист дерева, скользнувший по плечу. Вот ты отмахнулась, Иви, от мимолетной ласки этого листа, на вот – в твои глаза уже смотрит травяная зе-лень глаз эльфа.

И стоит лишь раз вдохнуть его запах – солнечный, зеле-ный, древний, – и ты забываешь, что сегодня подруга снова чуть не бросила тебя одну, не поняв мольбы взять с собой. А может, наоборот, но ты нужна для иного – и требуешься, чтобы оттенять ее.

Стоит вдохнуть второй раз – и ты забываешь о том, что завтра уже на работу: обрабатывать скучные анкеты, перекладывать бумаги с правой стороны стола на левую, вчитываться в косые строчки, отказываться от себя, не мечтать, поскольку мысли отвлекают, а надо быть винтиком.

Третий – и зрачки твои расширяются. В мире больше нет пустого холодильника в крохотной квартирке, не существует тесных джинсов с распродажи, нет злых весов, которые всегда – всегда! – показывают больше, чем надо, забыты мужчины, скользящие по тебе равнодушными взглядами, будто тебя нет.

И больше Иви не дышит – ее легкие и так заполнены запахом зеленоглазого фейри, ее голова заполнена сияющей красотой зеленоглазого фейри, а лоно заполнено плотью зеленоглазого фейри – волосы, руки, губы, кожа, все, все, все заполнено зеленоглазым фейри.

Извивы Иви, искры Ирна, истекающий истомой искус.

Иви, Иви...

Слушай, как плотно входит он в тебя, как выворачивается тело, стараясь приникнуть ближе к золотистой коже, коснуться каждым сантиметром, не упустить сладкие прикосновения.

Смотри, как стонут твои губы, как бьется сердце в горле, как останавливается в тот момент, когда он внутри полностью, до конца, как шелестит кожа о кожу, как сплетаются тела.

Почувствуй его слова любви – ты никогда не знала таких слов. Ты никогда не думала, что их могут сказать тебе. Что их может когда-нибудь сказать мужчина.

Свет его глаз – яркий, зеленый, темный, черный, взрывающийся, на осколки распадающийся в тот момент, когда он движется вперед, вперед, вперед, оборачивая твоё тело вокруг себя. Ни сантиметра кожи не останется незацелованным, ни единого нерва нетронутым, ни капли твоего сока не прольется мимо.

Запах женщины, вкус женщины, суть женщины, которая впервые в жизни чувствует себя любимой. Желанной. Красивой. Единственной. Настоящей.

Ирн выворачивает её наизнанку – влажное изнутри бесстыдно открыто его языку, пальцам, дыханию. Да, так и есть – Иви ненавидела мужчин, но теперь её любит мужчина и ненавидят все женщины, ведь эльфийский король любит сейчас только её одну: дарит счастье за счастьем, сладкие всхлипы, горячие касания, спазмы до боли наслаждения, вскипающую кровь.

Если бы могла – Иви попросила бы пощады. Покоя. Отдыха. Забвения. Но слова покинули её слишком давно, а Ирн не собирается понимать умоляющих взглядов.

Пусть это длится до утра. До следующего утра.

И следующего утра.

Фейри не может устать от любви – это его энергия и его пища. Женщина может умереть от истощения, но не тогда,

когда внутрь нее изливается раз за разом тот, чья сила когда-то была безмерна и бесконечна. Иви хотела бы умереть прямо сейчас, когда вокруг есть только он и ее тело, никогда еще не чувствовавшее столь полно, сильно и по-настоящему.

Но кто ж ей даст.

Когда Ирн чувствует, что Иви уже наполнена всей той любовью, что не досталась ей за предыдущие годы, что она наполнена любовью еще на столько же – и еще, до конца ее дней, – он выходит из нее, оставляя на прохладных простынях, позволяя перестать касаться его.

Но Иви смотрит и тянется, и он прижимает ее к себе, кладет себе на грудь, обнимает и перебирает невесомые русые волосы длинными пальцами.

– Что... – Иви учится пользоваться голосом. Она приподнимается и видит подругу, выгнувшуюся на полу, словно в застывшем эпилептическом припадке. Глаза распахнуты, мышцы подрагивают. Иви все равно, но она спрашивает: – Что с ней?

– Она грезит о том, как я ее жестко трахаю, а ты смотришь и смеешься, – равнодушно отвечает Ирн, сплетая из воздуха белый персик.

Он разделяет плод на две половины и отдает одну Иви. В воздухе разливается нежный аромат.

– Зачем?... – Иви замороженно следит, как его язык скользит внутри сочной мякоти, и утомленное до предела тело вдруг откликается томительной жадой.

Ирн пожимает плечами, слизывает текущий по пальцам сок и ловит потемневший взгляд. Персик тает в воздухе, а сладкие пальцы ныряют Иви между ног.

До зимнего солнцестояния – еще неделя, ему надо чем-то занять это время... и зачать первого настоящего Барда изменившегося мира.

19. Кристина

Она слышала, что однажды детям придется ухаживать за родителями так, как родители ухаживали за ними. Но не думала, что это случится так скоро. Мама плакала, а Кристина только гладила ее по голове и говорила, что все будет хорошо. Хотя совершенно не верила своим словам.

– Я видела такие лица. И еще люди сразу становятся равнодушными, но очень ласковыми... Насмотрелась, когда дедушку в больнице навещала. Они уже знают.

Мама нашла время для анализов. Какие сказали в поликлинике, такие и сдала.

Кристина впервые почувствовала себя настолько бессильной, держа в руках бумажки с непонятными цифрами, из которых каким-то образом складывалось, что все очень, очень плохо.

И даже УЗИ сделали срочно, прямо за руку повели. Но никто ничего прямо не говорил, лишь пожимали плечами и советовали «найти возможность» обследования в платной клинике.

– Я, Кристиночка, и сама вижу. Не поеду я никуда, не буду ничего за деньги сдавать. И так понятно. Был бы шанс, накричали бы на меня, а когда ласковые, то и нет надежды.

– Мам, ты что? – Она впервые жалела, что нацелилась на иностранный. Надо бы в медицинский, хоть чем-нибудь бы

сейчас помогла. Хотя что-то бы сообразила. – Я пока с Ванечкой занималась, скопила денег. Давай ты съездишь и сделаешь все, что нужно?

– Мне страшно, доченька... Не хочу я деньги отнимать, тебе еще пригодятся, когда я...

Вот так – за неделю до восемнадцати – и становятся старшими в семье.

– Мам, ты глупости не говори! Вдруг ничего страшного? А ты себя уже довела.

– Я не могу...

– Можешь, мам. Похороны дороже обойдутся.

Родительница ахнула. Главное слово еще не произнесено, но Кристина уже сделала первый шаг.

– Завтра суббота, они ведь работают по выходным? – Всегда собранная и сильная мама, которая отвоевывала Кристину у целого мира, как будто едва дотянула до совершеннолетия дочери и теперь позволила себе расслабиться. И начала рассыпаться на глазах, не понимая, за что хвататься.

Она выудила из кармана телефон, но не могла попасть дрожащими пальцами по кнопкам. Да и куда собиралась звонить?

Кристина накрыла ее руки ладонями и заставила посмотреть в глаза:

– Вот завтра и поезжай. Время очень важно. У меня консультация, но я тебя встречу, когда закончу, хорошо? – Кристина обняла маму и позволила ей вытереть лицо о свой сви-

тер. – Сейчас принесу деньги.

На следующее утро она с трудом заставила маму выпить чашку чая. Посмотрела на ее бескровное лицо и чуть не передумала идти в школу.

Но Варя, которой она позвонила посоветоваться, прошипела, что консультацию будет вести Людмила Сергеевна, и если Кристины не будет... Ей после Стамбула не стоит дергать кошек за усы.

Пришлось все-таки отправить маму одну, но проследить, чтобы села на троллейбус, благо там по прямой. А потом потащилась на консультацию, хотя что можно засунуть в голову в такой ситуации – непонятно.

В тот момент, когда Кристина балансировала на ледяных буграх дороги, которую никто не собирался расчищать, и молилась, чтобы не упасть – лежать в постели месяц со сломанной ногой уж точно нельзя, – в кармане завибрировал телефон.

Выбравшись на едва ли ровную поверхность и продолжая балансировать, полезла за мобильным. На экране светилось: «Алексей Помощник Депутата». После общения в парке у конной школы Кристине меньше всего хотелось с ним разговаривать.

Особенно сейчас.

Но она напомнила себе о возможных перспективах, которых рискует лишиться из-за глупой гордости, и нажала кнопку ответа.

– Кристина? – Голос Алексея, звучащий в телефоне, казался намного мягче, чем раньше. – Я не помешал?

– Нет, Алексей Викт...

– Просто Алексей. Я понимаю твоё нежелание дружить после нашей встречи и хочу принести извинения за своё поведение. Был не в духе, знаешь, как получается: люди подводят, а потом сразу всех и каждого в плохом подозреваешь?

– Я не обиделась, – кивнула Кристина. Пальцы начинали замерзать. Он позвонил только для того, чтобы извиниться?

– Ты ведь ещё не подала документы к нам? Хочешь, помогу?

– Ещё не подала. Я не знаю, что нужно.

– Да ничего, кроме паспорта! Можно и сегодня. Давай адрес продиктую.

– В школе дела, – заколебалась Кристина. Да и маме она обещала...

– А ты в школе? – обрадовался Алексей. – Я тоже к вам заехал. Заодно и подберу тебя и сразу отвезу, у меня в офисе есть одно дело.

– Сначала консультация... – Кристину что-то беспокоило в щедрости Алексея, но что?

– А я подожду, потреплю нервы вашей директрисе. Ты же в курсе, её сын...

– Алексей, прости, – решила Кристина. – Я тороплюсь, правда.

– Ладно. Скинь мессагу, как закончишь.

Консультация оказалась бессмысленной, но Людмила Сергеевна сверлила Кристину взглядом, и было ясно: пропускать не стоило. Под конец, когда девушка извелась, как, не отказывая Алексею, все-таки встретить маму из клиники, та прислала сообщение, что уже дома, исследования проведены, она сидит у соседки, и пусть дочка не нервничает.

Это не снимало проблемы: про результаты анализов надо обязательно узнать, зато теперь появилось время заскочить в офис и заполнить документы.

Даже писать сообщение не пришлось – Алексей ждал на первом этаже. Разговаривал с Максимом Геннадьевичем. Судя по брезгливому выражению лица, сын директрисы его бесил так же сильно, как и всех в школе. При виде Кристины помощник депутата просиял.

Быстро попрощался, не глядя на собеседника, и поспешил к ней.

– Кристина! Я заждался. Едем?

– Можно недолго? – решила она. – Мне к маме нужно.

– Конечно! Заполним документы и сразу подброшу до дома, – улыбнулся Алексей. – Прошу! – Он распахнул заднюю дверцу серебристого «Мерседеса».

Кристина забралась внутрь и ойкнула – за рулем сидел водитель. Алексей устроился рядом с ней. Она впервые ехала в такой роскошной машине, да еще с шофером.

– Паспорт не забыла? – спросил Алексей по пути. – В момент оформим, тебе останется только хорошо сдать экземе-

ны.

– А разве комиссия не должна ничего рассматривать? – удивилась Кристина.

– Должна, но я в ней и состою: могу в принципе тебя заверить, что все будет отлично.

Вот что ей не понравилось. Впечатление совсем другое, не такое, как после общения с представителями фонда для одаренных школьников. Они все раздраженные и ведут себя, словно делают одолжение, но ощущение серьезного подхода оставалось. А здесь, кажется, все зависит от доброй воли одного Алексея.

Еще Кристину встревожило, что, когда они подъехали к офису НКО, в окнах не горел свет.

– Там никого нет? – спросила она, наклоняясь и разглядывая здание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.